

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полугоду, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

139
198
510

№ 9. МАЙ 1844.

A 139
36
XX 438
1
СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя новости. — *Иностранная Слоесность.* Ярль Хаковъ, скандинавская драма, въ пяти актахъ, Эленшлегера. Перев. В. Дерикера. — *Науки и Художества.* Океанія. — Земля Москитовъ. — *Смѣсь.* Орлеанская желѣзная дорога, — Траги-комедія на сибирскомъ морозѣ, изъ записокъ о Сибири. — Воспоминанія одного французскаго офицера о португальской арміи. — Двадцать-девятое февраля. — Вражда ласточекъ съ воробьями.

При этомъ номерѣ приложены три вида Орлеанской желѣзной дороги.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

А 139
36

438
438

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 50 коп., за полгода—8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полгода, 70 копѣекъ.

Журналъ

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полсаго: 1) въ С. Петербургъ на Пенскомъ-Проспектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тьерской, въ домъ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта.

ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

№ 9. МАЙ 1844.

Современная Исторія

и

Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ГРАМОТЫ.

Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Густаву Струве.

Во вниманіе къ отлично-усердной службѣ вашей, по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Св. Станислава первой степени, знаки котораго при семъ препровождаю, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.

Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Ксаверію Лабенскому.

Въ воздаяніе постоянно-усердной службы вашей, по званію Старшаго Совѣтника Министерства Иностран-

ныхъ Дѣлъ, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Св. Станислава первой степени, коего знаки при семъ препровождаю, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ, 25 Марта 1844 года.

Высочайшею грамотою отъ 26 Марта, Московскому Гражданскому Губернатору Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, въ званіи Каммергера, Семянину, Всемилостивѣйше пожалованы знаки Ордена Св. Анны первой степени, украшенные Императорскою короною.

— Высочайшими грамотами отъ 26 Марта, Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: состоящій въ должности Вологодскаго Гражданскаго Губернатора, Волховскій, и Гражданскій Генераль-Штабъ-Докторъ Директоръ Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Рихтеръ, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами Ордена Св. Анны первой степени.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Засѣданіе палаты Перовъ, происходившее въ послѣднихъ числахъ Апрѣля мѣсяца, занято было разсмотрѣніемъ проекта закона о второстепенныхъ школахъ. *Г. Кузенъ*, говорившій сначала противъ проекта, старался потомъ опредѣлить, въ чемъ можетъ заключаться свобода образованія, о которой такъ много толкуютъ. Что собственно разумѣютъ подъ этимъ словомъ, подъ правомъ преподаванія? Принадлежитъ ли это право, какъ право общественное, всѣмъ гражданамъ, или оно есть исключительное право, пользование которымъ должно быть подчинено предварительнымъ условіямъ. Въ государственномъ Уложеніи право учить не находится въ числѣ правъ, имъ ограждаемыхъ, оттого, что оно есть мечта. Свобода обученія безъ предварительныхъ ручательствъ, противорѣчитъ сущности дѣла; воспитаніе будетъ вредно, если оно предоставлено будетъ случаю. Чтобы имѣть право учить чему-либо, надобно быть въ состояніи дѣйствительно исполнять принимаемую на себя обязанность; чтобы получить дозволеніе образовывать и улучшать нравы дѣтей, надобно доказать свою собственную нравственность. Итакъ, право учить есть болѣе, чѣмъ естественное право, болѣе чѣмъ ремесло; это власть, власть надъ тѣмъ, что есть слабѣйшаго и священнѣйшаго на землѣ, — надъ дѣтствомъ. Можетъ ли быть такая власть ввѣряема первому встрѣчному? Но, скажутъ, вы забываете право отцовъ семействъ. Ни сколько; надобно ихъ уважать, но не должно имъ жертвовать выгодами дѣтства, правами государства. Власть отцовъ семействъ не есть сама-по-себѣ что-либо непремѣнное; отецъ семейства не располагаетъ по своему произволу своимъ дѣтями. Эта власть въ предѣлахъ своего дома имѣетъ свои границы. Тѣмъ большимъ ограниченіямъ подвергается она, когда отецъ отсылаетъ свое дитя изъ дому, когда онъ ввѣряетъ его школѣ, государству. Итакъ, государство имѣетъ не только право, но и обязанность, всякаго, кто желаетъ основать школу, подчинить тремъ существеннымъ условіямъ: 1) представленію предварительныхъ ручательствъ; 2) надзору; 3) наложенію строгихъ взысканій, въ случаѣ вины. — Далѣе ораторъ представилъ исторію французскаго университета, со времени его основанія Филипомъ Августомъ до нашихъ дней. Онъ старался доказать, что университетъ всегда от-

казывался раздѣлять право надзора надъ образованіемъ французскаго юношества съ какимъ-либо сословіемъ, духовнымъ или свѣтскимъ; и что это право верховнаго надзора, имъ присвоенное, относится не ко временамъ Наполеона, а получило свое начало въ древнія времена. Въ послѣдствіи университетъ смягчилъ эту власть; такъ-что не духъ свободы оспариваетъ ее нынѣ, какъ монополію, а духъ монашескаго властолюбія. Потомъ *Г. Кузенъ* защищалъ способъ университетскаго образованія, и не только отвергалъ упрекъ, будто университетъ не доставляетъ юношеству религіознаго образованія, но сказалъ, что онъ первый признаетъ необходимость такого образованія. *Г. Кузенъ* заключилъ рѣчь свою просьбою къ Палатѣ, чтобы она поддержала главное основаніе, на которое опирается университетъ, принадлежащую государству власть вмѣшательства въ общественное образованіе.

На другой день защитникомъ проекта закона о второстепенныхъ школахъ, явился Графъ *Алексисъ де Сент-При*. Онъ сказалъ, что, послѣ пространной, блестящей рѣчи *Г. Кузена*, ему ничего не остается сказать въ защиту университета, этого великаго учрежденія, основаннаго древнею монархіею и утвержденнаго мощною, сильною рукою Наполеона. Почему онъ не желаетъ входить въ метафизико-законодательное разсмотрѣніе вопроса о томъ, представляетъ ли университетъ государство или нѣтъ? Онъ знаетъ только то, что, не смотря на похоронную, какъ казалось, рѣчь *Г. Кузена*, университетъ еще не умеръ. — (*Министръ Народнаго Просвѣщенія, прерывая:*) «Онъ даже не боленъ!» (*Общій смѣхъ*). (*Графъ Сент-При, продолжая:*) «Министръ правъ. Не смотря на то, надобно согласиться, что онъ нуждается въ защитѣ другихъ еще лицъ, кромѣ тѣхъ, которыя стоятъ въ главѣ его. Для этого я и вошелъ на кафедру; я имѣю на то тѣмъ болѣе права, что совершенно чуждъ университету; никакой личной интересъ не побуждаетъ меня къ его защитѣ». Ораторъ старался прежде всего опровергнуть упрекъ въ притѣвленіи, дѣлаемый университету во множествѣ брошюръ и пасквилей. Тѣ, которые обвиняютъ его въ пантеизмѣ, кажется, не понимаютъ сами смысла этого слова, потому-что между профессорами университета и браминами Индіи дѣйствительно нѣтъ ни малѣйшаго сходства. (*Смѣхъ*). По разсмотрѣніи причинъ, породившихъ Іюльскій переворотъ 1830 г., ораторъ напомнилъ, въ какомъ смыслѣ составлена была 65-я статья хартіи. Свобода образованія, ея предписываемая, должна благоразумно огра-

ничиваться. Безграничной свободы могутъ желать только утописты, точно такъ же, какъ они желаютъ анархіи. Духовенство избрало ложную стезю, требуя съ такимъ упорствомъ свободы, столь опасной для государства. Далѣе ораторъ изложилъ собственный свой планъ общественнаго воспитанія, первымъ условіемъ котораго, по мнѣнію его, долженъ быть дѣятельный, строгій и непрестанный надзоръ со стороны правительства. Въ заключеніе, онъ желалъ, чтобы Палата не потерпѣла никакихъ посягательствъ на тѣ національныя учрежденія, воспоминанія которыхъ такъ славны, и которыя имѣли счастье видѣть въ средѣ своихъ членовъ Принца, къ несчастію, похищеннаго смертію въ ту минуту, когда онъ готовился передать королевскому своему наслѣднику уроки, изъ которыхъ извлекъ самъ для себя столько пользы. (*Общее одобреніе.*)

Послѣ этого говорилъ маркизъ *Габриакъ*. Онъ не одобрялъ многія постановленія проекта, особенно же тѣ, которые касаются до новаго испытанія лицъ, вступающихъ въ учительскія должности и получившихъ уже степень бакалавровъ, и заключилъ объявленіемъ, что подаетъ голосъ противъ проекта, потому-что онъ нарушаетъ свободу преподаванія. — *Г. Лебрень*, напротивъ того, одобрялъ всѣ постановленія проекта закона. По его мнѣнію, новый законъ упрочиваетъ начало (*principe*), возникшее въ 1830 г. и признанное тремя государственными властями. Этотъ законъ есть нѣкоторымъ образомъ второй законъ объ укрѣпленіяхъ. Первый имѣлъ въ виду защиту матеріальныхъ интересовъ и постановленій страны; настоящій же предполагаетъ нравственное ручательство, нравственную защиту Іюльскаго Монархія. Далѣе ораторъ опровергалъ утвержденіе графа *Монталамбера*, будто бы въ коллегіумахъ образованіе религіозное находится въ пренебреженіи, и старался доказать несправедливость разныхъ другихъ аргументовъ и доводовъ, къ которымъ прибѣгли противники проекта. Новымъ закономъ, сказалъ онъ, исполняется обѣщаніе хартіи. Законъ этотъ провозглашаетъ свободу, но свободу ограниченную, предупреждающими и обуздывающими постановленіями, потому-что хартія, провозгласивъ свободу, отнюдь не имѣла въ виду провозглашеніе анархіи.

Кромѣ проекта закона о второстепенныхъ школахъ, разсматривался еще проектъ закона о реформѣ тюремъ. Противникомъ этого проекта объявилъ себя *Г. Кордье*. Онъ оуждалъ въ предлагаемой системѣ усиленіе наказанія и не находилъ въ ней ручательства

за улучшеніе нравственности преступниковъ, которыхъ ни что не остановитъ возобновить свои преступленія по выходѣ изъ тюрьмы. Почему онъ предлагалъ подвергнуть предметъ тщательнѣйшему еще изслѣдованію. Далѣе онъ находилъ нужнымъ, чтобы, въ случаѣ возобновленія преступленій, наказаніемъ служила ссылка; чтобы для политическихъ преступниковъ устроены были особыя тюрьмы, гдѣ бы они могли жить въ сообществѣ, и, наконецъ, чтобы 150 мил. фр., назначаемые на приведеніе подлежащаго проекта закона въ исполненіе, были скорѣе обращены на учрежденіе пріютовъ для старыхъ людей и школъ для дѣтей. *Г. Коризъ* говорилъ въ защиту пенсильванской системы, но *Г. де Садъ*, напротивъ, рѣшительно возсталъ противъ проекта закона, увѣряя, что сумасшествіе и смерть будутъ частыми слѣдствіями одиночнаго заключенія; что въ самой Пенсильваніи эту систему намѣреваются покинуть; что она въ Европѣ имѣла также мало успѣха, и ни въ Голландіи, ни въ Бельгіи не могла удержаться, и наконецъ, что она препятствуетъ религіознымъ бесѣдамъ и потому заслужила порицаніе Римскаго Двора. *Г. Тальанде* возразилъ, что, напротивъ, Римскій Дворъ былъ однимъ изъ первыхъ, который принялъ эту систему. *Г. Ларошфуко-Ланкуръ* не одобрялъ ее. Мысль, что число преступленій во Франціи умножается, онъ считалъ неосновательною: въ 1828 году одно преступленіе приходилось на 4,316 жителей; въ 1831 одно на 4,281, а въ 1841 одно на 4,583. — Съ другой стороны, маркизъ *Морие* полагалъ, что раздѣленіе преступниковъ есть единственное средство подѣлывать на ихъ душу и совѣсть. Если находятъ эту систему слишкомъ строгою, то, для отвращенія этого неудобства, стбитъ только сократить сроки заключенія. — *Г. Карно* былъ того мнѣнія, что если смотрѣть на тюремное заключеніе болѣе какъ на средство исправленія, а не какъ на средство наказанія, то предлагаемая система едва ли достигнетъ цѣли. Тюремный смотритель не въ состояніи перебивать въ 500 комнатахъ въ теченіе дня, и, слѣдовательно, при удаленіи тюрьмы отъ города, надобно будетъ предоставить преступниковъ заботливости виѣшнихъ наблюдателей, которыхъ число не можетъ быть такъ значительнымъ, чтобы принесло существенную пользу. — *Г. де Бомонъ* повторилъ мнѣніе, что число преступленій во Франціи умножается, и рѣшительно защищалъ проектъ закона, полагая, что преступникамъ въ уединеніи невозможно сдѣлаться хуже. При настоящей системѣ они составляютъ постоянныя общества, и, выпущен-

ные на свободу, они волею и неволею присоединяются къ нему, потому что другіе ихъ къ тому поуждають. Статистика смертныхъ случаевъ говоритъ, повидимому, въ пользу системы раздѣленія. Во французскихъ тюрьмахъ пропорція ихъ есть 8 къ 100, а въ Пенсильваніи 2 на 100. Также преувеличено число преступниковъ, сходящихся съ ума въ слѣдствіе уединенія. Г. *Малевиель* говорилъ противъ проекта и напомнилъ Палатѣ, что коммиссія, разсматривавшая бюджетъ 1838 года, не одобряла систему одиночнаго заключенія преступниковъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Г. *Дюшатель* хвалилъ въ предложенномъ проектѣ закона особенно то, что онъ основывается не на однихъ теоріяхъ, но что онъ зрѣло обдуманъ. Съ 1840 года правительство неослабно имъ занималось. Все сознаются, что реформа необходима; на-счетъ умноженія числа преступленій не можетъ быть никакого сомнѣнія. Чему приписать это? Не плохой ли системѣ управленія тюрьмами? Въ послѣдніе тридцать или сорокъ лѣтъ произведено было много переменъ по этой части, но только съ цѣлію смягчить суровость заточенія, такъ-что тюрьмы походятъ нынѣ скорѣе на обширныя мастерскія, нежели на исправительныя заведенія; заключенные содержатся въ нихъ лучше, нежели многіе работники. Возобновленіе преступленій есть необходимое слѣдствіе такой системы. Полагаютъ, что положеніе преступниковъ по новой системѣ будетъ слишкомъ жестоко; но правительство и не заботится о томъ, чтобы сдѣлать его пріятнымъ или очень облегчить. Страхъ заключенія въ тюрьму долженъ переслывать склонность къ преступленіямъ. — Г. *Пейрамонтъ*, членъ коммиссіи, принадлежащій къ меньшему числу, рѣшительно возставалъ противъ проекта, оспаривая его необходимость и пользу. Со введеніемъ новой системы, по мнѣнію его, все законодательство Франціи рухнетъ, и потому онъ удивлялся, что Министръ Юстиціи не присутствуетъ при совѣщаніи, и что не было требовано мнѣнія по этому предмету отъ судовъ и отъ Законодательнаго Комитета при Государственномъ Совѣтѣ. — Послѣ опроверженія этой рѣчи Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и послѣ нѣсколькихъ еще словъ, сказанныхъ съ большою запальчивостію маркизомъ *Ларошъ-Жакленомъ* противъ отдѣльныхъ комнатъ, которыя онъ называлъ гробницами, общія разсужденія были окончены.

Судопроизводство по дѣлу *О Коннелл* было неожиданнымъ образомъ отсрочено на неопредѣленное время, по предложенію Генераль-Прокурора, въ засѣданіи

Дублинскаго Суда Кинсъ-Бенча. Поводомъ къ отсрочкѣ послужила необходимость изслѣдовать причины неполноты общаго списка присяжныхъ, въ которомъ, какъ извѣстно, недоставало нѣсколькихъ листовъ, на чемъ обвиненные основываютъ просьбу свою объ уничтоженіи приговора присяжныхъ и наріженіи новаго процесса. Между-тѣмъ вскорѣ получено было извѣстіе, что изслѣдованіе неполноты списковъ кончено, и чиновники Мирныхъ Судовъ представили свое донесеніе, въ формѣ клятвеннаго показанія, въ которомъ свидѣлствуютъ, что выпускъ именъ въ общемъ спискѣ присяжныхъ должно приписать случаю, а не злему умыслу. Это обстоятельство уменьшаетъ надежду обвиненныхъ на успѣхъ просьбы ихъ объ уничтоженіи судебного приговора. Между-тѣмъ Генераль-Прокуроръ не сдѣлалъ еще никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій; судопроизводство остается по прежнему отсроченнымъ на неопредѣленное время.

Въ одномъ французскомъ журналѣ пишутъ, что множество народа толпилось у входовъ въ Королевскій Судъ (отдѣленіе Исправительной Полиціи). Въ судѣ назначено было разсмотрѣніе апелліаціи, поданной Г. *Феликсомъ Пиа* и Г. *Грамменлемъ*, отвѣтственнымъ редакторомъ газеты *la Réforme*, противъ приговора, произнесеннаго осьюю Палатою, въ слѣдствіе жалобы *Жюль-Жанена*, и которымъ первый изъ нихъ осуждался къ полугодовому заключенію и пенѣ въ 1,000 фр., а второй къ мѣсячному заключенію и пенѣ въ 3,000 фр. Извѣстно, что *Жюль-Жаненъ* подалъ жалобу на статью подъ заглавіемъ: «Князь Критики». Г. *Феликсъ Пиа*, негодуя на клеветы, которыми фельетонистъ *Journal des Débats* осыпалъ мужей первой французской революціи, вступилъ въ бой, чтобы защитить ихъ память, и потребовалъ у критика отчета въ цѣлой его жизни. Предъ Судомъ Исправительной Полиціи, Г. *Феликсъ Пиа* надѣялся оправдать свои нападенія книгами и статьями самого *Ж. Жанена*; но Судъ не счелъ нужнымъ допустить полную свободу защиты. Не можемъ предсказать приговора Королевскаго Суда, но видимъ, что онъ слѣдовалъ примѣру Суда Исправительной Полиціи, и не дозволилъ адвокату Г. *Феликса Пиа* объяснить съ полною свободою всѣ факты процесса. По просьбѣ адвоката *Ж. Жанена* Судъ отсрочилъ продолженіе процесса.

Иностранная Словесность.

ЯРЛЪ ЗАКОНЪ.

СКАНДИНАВСКАЯ ДРАМА, ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ,

ЭЛЕНШМЕГЕРА.

Дѣйствующія лица:

Олафъ Тригвасонъ, король ормъ и торвалдъ, ихъ же-дублинскій.	ормъ и торвалдъ, ихъ женихи.
Хаконъ, ярлъ аронгеймскій, повелитель Норвегіи.	тора, бывшая любовница Хакона.
Эрлингъ, его малолѣтній сынъ.	тангбрандъ, воевода Олафа.
Тореръ клакъ, купецъ.	авденъ, кривой старикъ.
Карговетъ и постейнъ, дворянские братья Олафа.	грибъ, слуга Торера.
Эйнаръ-самострѣль, молодой воинъ.	каркеръ, стейнъ и лейфъ слуги Хакона.
Бергторъ-кузнецъ, деревенскій староста.	вѣстникъ.
Гугарна и Астрида, его дочери.	ингерда, служанка Торы.
	Слуги, войска и народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Норвегіи, въ 994 году.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Аронгеймъ.

Сынъ Хаконовыхъ палатъ. Въ задней стѣнѣ главный входъ, черезъ который видна роща. Черезъ отвертвенныя боковыя двери слышится разговоръ и, по временамъ, громкій смѣхъ. На авансценѣ накрытый столъ для слугъ.

ОДИНЪ ВЫХОДЪ.

КАРКЕРЪ и ГРИБЪ за столомъ.

Каркеръ. Слышишь какъ шумятъ! какое веселье, какая радость! А пуще всѣхъ разглагольствуетъ твой хозяинъ, Тореръ: все рассказываетъ про свои путешествія.

Грибъ. Да и стоить послушать! Гдѣ онъ не побывалъ! какъ хитро онъ сбывалъ свои товары, сколько онъ привезъ золота и серебра! О! мой хозяинъ, братъ, такая голова, что чудо! Ему бы жить при Гаральдѣ-Овчинѣ.

Каркеръ. На что такъ?

Грибъ. Да тотъ былъ славный государь, не чета вашему: онъ заботился пуще всего о благосостояніи своей земли; онъ, для пользы своего народа, не постыдился спать шитую золотомъ порфиру и надѣть нагольную шубу.

Каркеръ. Знать, за то его и прозвали Овчиной?

Грибъ. Да; и это прозвище — вѣчный почетъ ему. Онъ былъ царемъ купцовъ! Весь флотъ его состоялъ изъ торговыхъ кораблей. Въмѣсто скиптра и меча ему служилъ аршинъ, а побѣды одерживалъ геройскія!

Каркеръ. Бергисъ, братъ, не слишкомъ выхваляй его. Нашъ ярлъ не любитъ, когда черезъ-чуръ выхваляютъ другихъ владыкъ.

Грибъ. Спасибо за совѣтъ, пріятель.

Каркеръ. Не на чемъ. Да расскажи же и ты мнѣ что-нибудь. Чего мы сидимъ, да слушаемъ только издали, какъ другіе веселятся.

Грибъ. Да, еслибъ можно было туда войти, тамъ сѣсть за столъ да взяться за золотой рогъ вольною рукою, какъ и другіе вольные!

Каркеръ. Что ты, братъ, больно много захотѣлъ! Вишь, куда мѣтитъ! Будь доволенъ и своей судьбой. Что жъ дѣлать, коли мы рождены рабами.

Грибъ. А ты этимъ и доволенъ?

Каркеръ. Отчего жъ недовольнымъ-то быть? Чего нельзя переменить, то ужъ само собой останется, какъ есть. Чего намъ недостаетъ? Кажется, у насъ все-го вдоволь и житье намъ привольное. Ты у Торера на хорошемъ счету; я у Хакона. Мнѣ, правда, по-лучше твоего, но и тебѣ не на что пожаловаться: твой хозяинъ богатый купецъ... Конечно, гдѣ жъ ему равняться съ моимъ господиномъ! Мой, вѣдь, знатнѣйшій ярлъ во всей землѣ норвежской: у него шестнадцать другихъ ярловъ полъ началомъ, такъ-что ему недалеко и до королевства... Да и то, чѣмъ онъ не король? Просто, король, не хуже всякаго другаго. Такъ чѣмъ же мнѣ-то не хорошо? Прежде, бывало, я днемъ ходилъ съ сохою въ поле, а ночь спалъ въ хлѣву со скотиной; а теперь ужъ не то! Вишь ты, какую изношенную одежду; пить, ѣсть — вдоволь, чего хочешь; дѣла

мало; коморка теплая, постель добрая... Подъ-часъ нобои перепадаютъ, да что жъ за бѣда! за всякимъ тычкомъ не угопишься.

Грибъ. Ты, я вижу, на то рожденъ, чтобъ быть рабомъ.

Каркеръ. И ярль то же говоритъ. Лучше такого слуги, каковъ я, ему и не надо. У него, вишь ты, свое мнѣнiе: онъ правду говоритъ: слугѣ нужно уметь только слѣпо повиноваться и быть вѣрнымъ; слуга не долженъ имѣть ни гордости, ни самолюбія, а долженъ быть только силенъ, чтобы могъ стоять за своего господина.

Грибъ. Ну, словомъ, онъ долженъ быть совершенною собакой.

Каркеръ. А пожалуй, хоть и собакой. Что жъ такое? Когда ярль увидѣлъ меня въ первый разъ, я ему тотчасъ пришелся по нутру; онъ замѣтилъ мои толстые пальцы, широкіе ногти, низенькій лобъ, коротенькій носъ, скромное обращеніе, и я ему отлично понравился. Съ перваго же дня я все при немъ.

Грибъ (прислушиваясь). Молчи... вотъ они опять говорятъ объ Олафѣ Тригвасонѣ.

Каркеръ. А кто этотъ Олафъ?

Грибъ. Славный витязь! Онъ былъ рабомъ, такъ же, какъ и я, а теперь сталъ королемъ.

Каркеръ. Рожденный рабъ!

Грибъ. Нѣтъ, родился-то онъ не рабомъ, онъ царскій сынъ.

Каркеръ. Такъ что жъ за хитрость, что онъ и самъ сталъ королемъ?

Грибъ. Нѣтъ, братъ, ему это не легко досталось: счастье долго на перекоръ съ нимъ шло.

Каркеръ. Тише, тише: они встаютъ; обедъ конченъ. Вотъ, ярль идетъ съ своими гостями.

Хаконъ, со свитою, проходить черезъ сцену.

Грибъ. Лихой витязь этотъ ярль Хаконъ! Словно скуловатый дубъ высится надъ мелкимъ кустарникомъ.

Каркеръ. Мнѣ надо идти, со стола собирать. Пойдешь ты со мной?

Грибъ. Нѣтъ; я пойду въ рошу. Тамъ голубой сводъ получше чѣмъ въ вашихъ палатахъ, и входъ открытъ мнѣ такъ же, какъ и знатнѣйшему витязю.

Уходитъ.

Каркеръ. Этакой гордецъ! Эй, не одобровать тебѣ! Высокомѣрие бѣдовой порокъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Одинова священная роца. Идолы. По срединѣ, на первомъ мѣстѣ Одинъ; по бокамъ его Фрея и Торъ; прочіе расположены полукругомъ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

АСТРИДА и ГУДРУНА, съ цвѣточнымъ вѣнкомъ.

Астрида. Куда же ты ведешь меня, Гудруна? Вспомни, на что мы покушаемся!... мы въ священной роцѣ боговъ, куда не смѣетъ ступать нога непосвященныхъ.

Гудруна. Кто искренно любитъ правду и вѣрность, тотъ и посвященъ: стало-быть и мы съ тобой посвящены.

Астрида. Ахъ милая сестра, мнѣ страшно! Видишь, какъ грозно боги смотрятъ на насъ! Не прогнѣви боговъ, сестра; пойдѣмъ.

Гудруна. Нѣтъ, не всѣ грозно смотрятъ на насъ; благодѣтельная Фригга улыбается словно мать. А вотъ, взгляни на Фрею: съ какою любовью она улыбается намъ, молодымъ дочерямъ своимъ!

Астрида. Она любитъ на твою рѣдкую красоту, Гудруна. Она знаетъ такъ же, какъ и всѣ молодые Дронггеймцы, что ты у насъ красное солнышко.

Гудруна. Ну, поди же ты домой, милая Астрида, чтобы отецъ не дожидался ужина. Онъ куетъ ярлу вѣнецъ. Проголодавшись за работой, онъ не любитъ ждать. Поди; я тоже скоро прииду, только вѣнокъ доплету.

Астрида. Напрасная работа! Къ чему это украшаешь? Твой Ормъ, вѣдь, не придетъ сегодня, а до завтра вѣнокъ завянетъ.

Гудруна. Ступай, ступай; оставь меня одну.

Астрида. Ну, ну, оставайся; я иду. Ты влюблена, а влюбленные всѣ любятъ одиночество.

Уходитъ.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Гудруна, одна. Наконецъ-то ушла!.. Успокойся, бѣдное мое сердце! О, великіе боги, не гнѣвайтесь на робкую, невинную дѣвушку, за то, что она дерзнула вступить въ ваше мирное святилище! О сладостная Фрея, моя богиня!.. мо! скажи, смѣю ли я поднести тебѣ этотъ простой вѣнокъ? Я сплела его для тебя изъ нестрыхъ цвѣтовъ, которые какъ эльфы играли на полѣ

въ багровомъ свѣтѣ лѣтней зари. О Фрея милостивая! позволь своей рабѣ приблизиться къ величественному подобію твоему и надѣть этотъ простой вѣнокъ на божественныя твои кудри.

Она влезаетъ на подножіе и надвигаетъ вѣнокъ на голову идола; въ это время входятъ Хаконъ и Тореръ. Гудруна, въ страхъ, остается неподвижно на мѣстѣ.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ГУДРУНА, ХАКОНЪ и ТОРЕРЪ.

Хаконъ. Здѣсь мы одни. Въ эту рошу не смѣетъ входить никто кромѣ меня и Одиновыхъ жрецовъ.

Тореръ. Благородный ярль, ты дѣлаешь мнѣ большую честь, когда вводишь и меня въ такое святилище.

Хаконъ. Такъ ты думаешь, Тореръ, что для меня новость то, что мы за столомъ сегодня слышали объ Олафѣ Тригвасонѣ?

Тореръ. Да, если судить по твоему удивленію... если вѣрить выраженію твоего лица, въ ту пору.

Хаконъ. Не вѣрь лицу, не вѣрь! Видишь ли, лицо — мое: оно должно слушаться своего господина. Я всегда кажусь тѣмъ, чѣмъ хочу казаться, а тогда мнѣ пужно было казаться удивленнымъ, вотъ и все. Здѣсь не то: здѣсь мы одни, и я могу тебѣ сказать, что я уже давно зналъ все, что ты рассказывалъ объ Олафѣ.

Тореръ. Такъ и до твоего слуха уже достигла слава этого героя?

Хаконъ. Да.

Тореръ. Что же ты думаешь объ немъ?

Хаконъ. Дай мнѣ свою руку на томъ, что ты вѣрешь мнѣ.

Тореръ. Изволь. Я обязанъ быть вѣрнымъ тебѣ, изъ благодарности.

Хаконъ. Ты мнѣ по-сердцу человекъ, Тореръ. Я уже давно желалъ свидѣться съ тобой. Ты умно ведешь свои дѣла и смѣло умѣешь преодолевать неожиданныя препятствія; ты такъ же искусно владеешь мечомъ и топоромъ, какъ и своимъ разсудкомъ. Это я люблю; это по-мнѣ.

Тореръ. Боги даровали намъ тѣло и духъ: мы обязаны упражнять и то и другое.

Хаконъ. Правда. Человекъ скоро чувствуетъ, къ чему онъ созданъ; его склонности развиваютъ его силы; онъ старается дѣлать то, что можетъ; другаго поведенья ему не пужно на то, чтобы дѣйствовать.

Тореръ. Конечно.

Хаконъ. Я всегда чувствовалъ склонность къ властвованію. Быть норвежскимъ королемъ всегда было любимой мыслью, любимымъ желаніемъ души моей.

Тореръ. И ты достигъ, чего желалъ.

Хаконъ. Не совѣмъ, другъ, не совѣмъ... почти, но еще не совѣмъ. Меня все еще зовутъ ярломъ Хакономъ.

Тореръ. Но тебѣ стоитъ только захотѣть, — и ты король.

Хаконъ. Да, я и самъ думаю. Я надеюсь, мои гордые витязи сообразятъ, что для нихъ земли болѣе почету быть управляемою королемъ, чѣмъ повиноваться просто ярлу. Затѣмъ-то я и хочу, на слѣдующемъ же вѣчѣ объявить свое желаніе и мнѣніе. Бергторъ-кузнецъ, старый мой воякъ-сподвижникъ, уже готовитъ мнѣ вѣнецъ. Только-что онъ успѣетъ, я тотчасъ назначу день.

Тореръ. Ну, тамъ что будетъ, то будетъ, а ты и теперь уже король.

Хаконъ. Ты судишь какъ купецъ и смотришь только на выгоду. Но вѣнчимъ блескомъ тоже нельзя пренебрегать. Объявѣ страстной дѣвушки не можетъ быть такъ восхитительно, какъ прикосновеніе обнимающаго голову золотого царскаго вѣнца. И эта цѣль теперь близка! Но день мой уже вечерѣетъ: корни сгибаются подъ вечернею росой, — какъ говорится въ пѣснѣ Эйвина-Скальда; въ черныхъ волосахъ моихъ ужъ много пробивается сѣдинъ. Дай-ка руку. (Жметъ руку Торера и потомъ говоритъ уныло.) Прежде, бывало, я сожму такъ, что кровь брызнетъ изъ-подъ ногтей, словно сокъ изъ груши; теперь ужъ не то. Скажи по совѣсти: почувствовалъ ли ты?

Тореръ. Мужчинъ отъ самаго сильнаго пожатія руки поморщиться совѣстно.

Хаконъ. Мое пожатіе уже не сильно; ты напрасно утѣшаешь меня. Видишь, какъ лобъ мой взборонованъ морщинами?

Тореръ. Мужественныя морщины — украшеніе витязя.

Хаконъ. Да; по норвежскія дѣвушки ихъ не любятъ. Словомъ, другъ, я старѣю; и затѣмъ-то я хочу насладиться хоть вечеромъ своимъ. Я хочу, чтобы солнце мое закатилось ясно. Горе тому облаку, которое захочетъ помрачить багряный блескъ его.

Тореръ. Гдѣ жъ ты видишь такое облако?

Хаконъ. На западѣ, тамъ, гдѣ закатывается солнце.

Тореръ. Ты разумѣешь Олафа, въ Дублинѣ?

Хаконъ. Онъ происходитъ отъ Гаральда-Краснокудраго. Ты знаешь Норманновъ? Народъ крѣпкій, вѣрный, благородный, но... съ большими предрасудками. Я знаю, они вмѣгъ забудутъ всѣ заслуги Хакона и будутъ смотрѣть только на родъ и предковъ Олафа, если онъ придетъ.

Тореръ. Не можетъ быть!

Хаконъ. Можетъ быть: знаю я ихъ. И этому ли мечтателю, измѣннику отечества, который за императора Оттона стоялъ противъ своихъ соотчичей, возсѣсть на престолъ норвежскій? ему ли быть королемъ?

Тореръ. Да кто жъ объ этомъ думаетъ?

Хаконъ. Я, другъ... и Олафъ тоже! Онъ послѣдній внукъ Гаральда. Но мой родъ ни сколько не уступить его роду: ярль дронггеймскій, ярль гладскій искони были первымъ по король. Отъ стараго королевскаго рода уже никого нѣтъ въ живыхъ — одинъ только мечтатель, отрешившійся отъ вѣры и обычаевъ предковъ, одинъ только выкунившійся рабъ, рожденный по смерти отца бѣглою матерью. Клянусь Мимеровымъ источникомъ: такимъ образомъ не хитро родиться царскимъ сыномъ!... Но не безнаказанно грозилъ онъ вамъ, великіе боги! Мощный Одинъ, непобѣдимый Торъ, вы...
(Онъ оборачивается къ идоломъ и видитъ Гудруну). Что я вижу?

Гудруна. Ахъ! прости... прости, государь!

Хаконъ. Э! красоточка! ты что здѣсь дѣлаешь? Ужъ ты не подслушивать ли мои рѣчи пришла?

Гудруна. Нѣтъ; клянусь Фреей, клянусь моею невинностью, я не слыхала ни одного слова. Я давно соскочила бы, но боялась упасть и открыть, что я здѣсь.

Хаконъ. Зачѣмъ же ты пришла, душа моя?

Гудруна. Я... я дочь Бергтора-кузнеца и невеста Орма, что изъ Лиргии. Я плела вѣнокъ и хотѣла украсить имъ голову Фрей, чтобы она благословила нашъ союзъ.

Хаконъ. Ну, не бойся, не бойся. Я очень радъ этой встрѣчѣ. Такъ ты первая-то красавица въ селѣ, что наша молодежь прозвала краснымъ солнышкомъ?

Гудруна. Государь, позволь мнѣ сойти. Клянусь, я никогда больше не зайду сюда!

Хаконъ (къ Тореру). Клянусь Однимъ, премиленькая дѣвушка! Это сама Фрея ожила на этомъ камнѣ. Поди, моя голубка, я помогу тебѣ, поди. (Бе-

реть ее на руку). Какая легонькая, — какъ перо, — я между-тѣмъ какъ полна, какъ цвѣтуца! (Выносить ее впередъ). Ловко ли тебѣ сидѣть на Хаконовой рукѣ?

Гудруна. Пусти меня! ради неба, пусти меня; не оскверняй святилища боговъ!

Хаконъ (поспѣшно опустивъ ее на землю и робко озирался на идоловъ). Не осквернять?... О, какъ ты ребличилась, глупенькая!... Ахъ, какія бѣлыя, нѣжныя ручки! (Цѣлуетъ руки).

Гудруна. Ахъ! что это!... оставь меня... пусти!

Хаконъ (обнималъ ее). И тебя-то коварный старикъ скрываетъ? Всякій разъ, когда я приходилъ посмотрѣть тебя, тебя не было, — то за дѣломъ ушла, то въ гостяхъ, то у сосѣдки, то у тетки, въ другомъ селѣ.

Гудруна. Да чего же смотрѣть на невесту бѣднаго мужика? Онъ же, притомъ, и ревнивъ. Если бы онъ теперь пришелъ...

Хаконъ. Велика бѣда! Если бы онъ пришелъ, я тотчасъ напросился бы на свадьбу, и ужъ вѣрно не забылъ бы свадебнаго подарка.

Гудруна. Пусти меня!

Хаконъ. Красное солнышко не можетъ оставить Фрейной роши, не ожививъ нашихъ силъ поцѣлуемъ, по обычаю солнца.

Гудруна. О небо!

Хаконъ. Какъ! ты не хочешь поцѣловать гордаго Хакона, короля норвежскаго? Его ты заставляешь вымаливать поцѣлуя?

Гудруна. Боги, спасите!

Хаконъ насильно цѣлуетъ ее; она вырывается и убѣгаетъ.

Хаконъ. Ты бѣжишь, коза! Старый медвѣдь уже не можетъ схватить тебя на бѣгу... но погоди, погоди!

Тореръ. Ярль!

Хаконъ. Чудо, какая красавица!

Тореръ. Въ самомъ дѣлѣ рѣдкая. Но, государь, не забудь, зачѣмъ ты призвалъ меня сюда... дѣла, гораздо важнѣйшія...

Хаконъ. Важныя дѣла! Глыба ты ледяная! неужто въ твоей груди ничего ужъ не горитъ? Такъ пощупай мою: въ ней юношескій жаръ клокочетъ. Да и зачѣмъ же бы мнѣ было стремиться къ обладанію прекраснымъ садомъ, если бы я не находилъ удовольствія въ собираніи его цвѣтовъ и плодовъ?

Тореръ. Но Олафъ, государь...

Хаконъ. Я не забылъ и объ немъ. Я жду только Юстейна и Карлговута... Да вотъ они. Здравствуйте, здравствуйте, друзья!

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Тѣ же; КАРЛГОВУТЬ и ЮСТЕЙНЪ.

Карлговуть. Высокородный ярль!...

Хаконъ. Довольно. Я призвалъ васъ всѣхъ тронхъ, чтобы поговорить съ вами откровенно. Я знаю, вы любите меня и заслуживаете моего довѣрія. Такъ слушайте же: время дорого. Моя жизнь прошла въ борьбѣ и непогодахъ; я принужденъ былъ силою очищать свой путь отъ множества каменьевъ и терній, прежде нежели могла развиться во всей силѣ эта высокая сосна. Это теперь сдѣлано. Имя мое прославлено на всѣхъ концахъ сѣвера. Только враги мои могутъ не признавать этого. Я всегда встрѣчалъ храбрость храбростью, хитрость хитростью, смерть смертью. Малодушный Гаральдъ-Овчина и его братья нынче уже не погубятъ царства разслабленіемъ: ихъ ужъ нѣтъ. Если я оставилъ въ пуждѣ Гаральда-Краснокудраго, то онъ заслуживалъ этого по своей низости. Могушество Юмбурга уже не наполняетъ моря грозой и ужасомъ: его не стало. Норвегія съ честью выдержала эту бурю: я былъ ея кормчимъ; я одинъ спасъ корабль отъ крушенія, за то я хочу и остаться при кормилѣ.

Тореръ. Справедливо.

Хаконъ. Отъ стараго царскаго рода одинъ Олафъ остался. Ты, Тореръ, думаешь, что онъ спокойно сидитъ въ Ирландіи? А что ты скажешь, если я тебѣ коротко скажу, что онъ здѣсь?

Тореръ. Здѣсь?!

Карлговуть. Здѣсь, въ Норвегіи?

Юстейнъ. Олафъ? возможно ли?

Хаконъ. Мнѣ смѣшно было, когда ты, за столомъ рассказывалъ о царственномъ другѣ, о благочестивомъ Олафѣ, что въ Дублинѣ, и рассказывалъ мнѣ, какъ будто я не наблюдаю за нимъ давно уже. Тамъ я молчалъ; но теперь пора говорить. Знай же, что сегодня утромъ рыбакъ принесъ мнѣ вѣсть: Олафъ недавно отправился съ флотомъ изъ Дублина и пошелъ на Русь, посѣтить Владиміра; но на пути, у Мостера, остановился, чтобы, какъ онъ говоритъ, отдать поклонъ своей родинѣ.

Тореръ. Возможно ли?

Хаконъ. Очень можетъ быть, что мечтатель дѣйствительно остановился на пути только для того, чтобы освѣжить свою внутренность нѣсколькими глотками горнаго воздуха... Но мнѣ пужно скоро и основательно узнать, не скрывается ли что подъ этимъ невиннымъ посвещеніемъ. Онъ другъ тебѣ, Тореръ. Тебѣ очень естественно можно навѣстить его. Вѣтеръ попутный: ты завтра можешь тамъ быть.

Тореръ. Что жъ ты намѣренъ дѣлать?

Хаконъ. Провѣдать объ его намѣреніи. И, если онъ долго пробудетъ на нашей землѣ, скорѣй сразиться. Храбрый витязь любитъ битву и не долго ищетъ повода. У него флотъ; у меня тоже. Сила противъ силы. Это по-нормански. На это, кажется нечего возражать.

Юстейнъ. Конечно, нечего.

Тореръ. А чѣмъ же я его задержу?

Хаконъ. Попытай его, скажи ему то, что онъ, безъ сомнѣнія, услышитъ съ удовольствіемъ, — скажи что Норвежцы непамятуютъ ярля Хакона, что они хотятъ сбросить его иго и желаютъ себѣ владыки отъ древняго рода, законнаго. Если это подѣйствуетъ, пусть онъ выйдетъ на землю. Я охотнѣе теперь встрѣтилъ бы его въ полѣ: я нынче уже не могу столько выносить жизни на морѣ, сколько прежде. Если жъ онъ не соблазнится, значить, я ошибся: онъ честенъ и пусть себѣ идетъ куда хочетъ.

Тореръ. Теперь я понимаю тебя, государь, и повинуюсь.

Хаконъ. Ты не даромъ мнѣ послужишь, будь увѣренъ.

Тореръ. Я знаю, ярль Хаконъ по-царски награждаетъ. Но ты тоже знаешь, что моею благодарности и привязанности уже довольно, чтобы...

Хаконъ (пожимая его руку). Добрый Тореръ! (Къ другимъ). А вы, какъ родственники Олафа, не хотите ли тоже отправиться, чтобы подкрѣпить слова Торера?

Юстейнъ. Онъ намъ родня, правда, но ты, Хаконъ, намъ господинъ и покровитель. Этимъ обманомъ мы вѣдь только испытываемъ Олафову невинность.

Тореръ. Разумѣется.

Хаконъ (обнимая мечъ). Такъ поклянитесь же надъ этимъ мечомъ, въ этой священной рошѣ, что вы вѣрно постоите за меня.

Всптрое. (положивъ руки на мечъ.) Клянусь Однимъ и Валгаллой!

Однимъ истуканъ падаетъ.

Юстейнъ, (съ ужасомъ). Га!

Юстейнъ и Карловутъ. Одинъ упалъ!

Тореръ. Упалъ! разрушился!

Хаконъ, (оправясь). Камень этотъ старъ; въ немъ давно уже была трещина. Посмотрите.... уже темнѣть, но вы можете разглядѣть.... изломъ старъ! Чуть только держалось, и при малѣйшемъ вѣтрѣ могло покачнуться и упасть. Оставьте это. Оставьте меня одного. За ужиномъ мы поговоримъ подробнѣе, друзья.

Тореръ, Карловутъ и Юстейнъ уходятъ.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ХАКОНЪ, одинъ, долго въ раздумьи рассматриваетъ обломки.

Изломъ не старъ, онъ свѣжъ и новъ!... Великій Одинъ! отчего обрушился твой образъ? Ты прогнѣванъ? ты предостерегаешь меня?... Мощный богъ вѣтяей! ты разбился въ прахъ, а нѣжная Фрей торжествуетъ, повитая цвѣтами! Ужъ не значить ли это, что изнѣженный югъ одержитъ побѣду надъ божественною силой сѣвера?... Нѣтъ, отецъ мой! я уничтожу твоего и моего врага... лишь помоги мнѣ. (Преклоняетъ колѣни). Царь Валгаллы! я принесу тебѣ великую жертву, — девяносто девять черныхъ телятъ и всѣхъ плѣнныхъ, если ты пошлешь мнѣ норвежскій вѣнецъ; безчисленные котлы крови задымятся въ честь тебѣ; алтари и стѣны жертвеннаго храма будутъ обмѣтены окровавленными метлами; я самъ прожужу грудь Олафа жертвеннымъ ножомъ и изъ поваго камня воздвигнется твой величественный образъ, который переживетъ вѣчность. (Вставъ). Солнце склонилось къ западу; скоро ночная мгла одѣнетъ священную рошу. (Помолачать). Пойду къ Бергтору, посмотрѣть вѣнецъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Кузница.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

БЕРГТОРЪ, съ вѣщомъ; ГРИБЪ, съ наковальнею.

Бергторъ. Поставь вотъ тутъ. Хорошо. Подай мнѣ молотокъ. Коли тебѣ нравится, можешь каждый день

приходить, помогать мнѣ въ работѣ, пока твой господинъ живетъ въ Дронггеймѣ.

Грибъ. Да что мнѣ больше дѣлать? Съ другими рабами тупелничать не люблю: скучно; а вольные къ себѣ не принимаютъ. Одинъ ты, добрый человекъ, не презираешь бѣднаго невольника. Награди тебя Торъ!... Мѣхи что ли тебѣ вздуть?

Бергторъ. Нѣтъ, оставь это. Подай мнѣ папильничъ.

Грибъ. Чудо, какъ у тебя дѣло кипитъ, не палябуюсь я!

Бергторъ. Кипитъ? теперъ? Э, братъ, посмотрѣлъ бы ты на меня въ молодости, когда я королю Ательстейпу ковалъ Зубаря. Вотъ былъ мечъ, такъ ужъ мечъ! камни разсѣкалъ какъ мясо и кости! А сковаль-то я его мигомъ. Этотъ вѣнецъ что-то не такъ скоро дѣлается. Да не и къ спѣху.

Грибъ. Но онъ вѣдь готовъ уже.

Бергторъ. Ты говоришь, какъ разумѣешь; не видишь эти дырля? Тутъ надобно вставить камня.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Тѣ же, ГУДРУНА входитъ поспѣшно, въ страхѣ.

Бергторъ. Что съ тобой, дочь моя? Чего ты такъ бѣжишь?

Гудруна. Ахъ, батюшка! ярль Хаконъ видѣлъ меня!

Бергторъ. Гдѣ?

Гудруна. Въ рошѣ.

Бергторъ. Не говорилъ ли я тебѣ, что терпѣть не могу этой бѣготни по лѣсу, за цвѣтами да за травами! Благодарю боговъ, Гудруна, что ты скоро выходишь за-мужъ. Мнѣ ужъ надоела должность сторожа. (Продолжалъ работать). Я лучше готовъ сковать десять царскихъ вѣнцовъ, чѣмъ стеречь двухъ дочерей. Это такой хрупкій и непрочный металлъ, что бѣда.

Гудруна. Батюшка, я опасаясь, что ярль идетъ за мною слѣдомъ. Что тогда скажетъ Ормъ, мой женихъ?

Бергторъ. Идетъ слѣдомъ? Нѣтъ, сударикъ мой, это напрасно. Пойдемъ, Гудруна, тотчасъ въ погребъ.

Гудруна. Ты опять заключишь меня тамъ?

Бергторъ. Что жъ, тебѣ лучше хочется заключиться въ объятіяхъ ярла?

Гудруна. О, боги!

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

Тѣ же и БЕРГТОРЪ, со связкою ключей, которую прячетъ при видѣ Хакона.

Хаконъ. Здравствуй, старина.

Бергторъ. Здравствуй, ярль. (Замѣтивъ Гриба). Одинъ и Торъ! это что значитъ?

Хаконъ. Онъ представляетъ короля.

Бергторъ. Что ты, парень, съума сошелъ? Снимай вѣнецъ! онъ для ярла скованъ, а не для тебя, щенка.

Хаконъ. Это, вѣрно, ученикъ твой?

Бергторъ. Да, хочеть поучиться. Впрочемъ, онъ слуга Торера.

Хаконъ. И ты рабу поручаешь Хаконъ вѣнецъ?

Бергторъ. Что жъ дѣлать, ярль. Я принужденъ былъ поспѣшно бросить работу, чтобы итти запереть дочерей въ погребъ; между-тѣмъ повѣса осмѣлился....

Хаконъ. Какъ, старикъ! твоихъ дочерей?

Бергторъ. Да, государь; вѣдь ты одну изъ нихъ только-что видѣлъ, вотъ она и боится... да и я тоже опасаясь, что тебѣ, неравно, почаше захочется видѣть ее. Загнѣвъ я и заперъ обѣихъ въ погребъ, подъ каменные своды, за желѣзные затворы, а завтра я справлю ихъ свадьбу. Тамъ мужа пусть берегутъ своихъ женъ, какъ знаютъ.

Хаконъ. Э! старикъ, что это за вычуръ? Ты меня обижашь!

Бергторъ. Не говори, ярль: я знаю твой поровъ; что объ этомъ толковать. Вотъ, не хочешь ли примерить вѣнецъ.

Хаконъ. Давай.

Хочеть надѣть вѣнецъ на голову, но онъ проваливается ему на глаза.

Бергторъ. Слишкомъ великъ! Онъ тебя ослѣпляетъ.

Хаконъ. Старый хрычъ! развѣ я не далъ тебѣ мѣрку?

Бергторъ. Затерялась. А вѣнецъ-то я сковалъ на старомъ желѣзномъ кольцѣ, которое носилъ Гальфданъ-Черный. Я полагаю, что ярлу Хакону впору будетъ Гальфдановъ вѣнецъ.

Хаконъ (грозн). Бергторъ! ты старъ и съдъ, притомъ искусный кузнецъ: я шажу тебя. Но не употребляй во зло мое происхожденіе! Три дня сроку

Бергторъ. Я знаю его. Во всей Норвегіи нѣтъ ни одного человека, который бы умѣлъ укрыть отъ него жену свою, дочь, сестру, мать, даже бабуку. Отправь скорѣе въ погребъ! Я не спокоенъ, пока не посажу тебя тамъ подъ замки и запоры. Ступай. А гдѣ твоя сестра?

Гудруна. Астрида накрываетъ столъ.

Бергторъ. Это я и самъ съумѣю. Для защиты чести вашей отъ ярла Хакона едва достаточно замковъ и запоровъ. Ступай. Завтра же я пошлю за вашими женихами, пусть они возьмутъ васъ и стерегутъ и защищаютъ, какъ могутъ.

Уходитъ.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ГРИБЪ, одинъ, съ безмолвнымъ удивленіемъ рассматриваетъ вѣнецъ, оставшійся на наковальнѣ.

Такъ вотъ какъ на свѣтѣ дѣлаются вѣнцы! (Беретъ вѣнецъ). Какъ красивъ! Изъ чистаго, свѣтлаго золота.... и какъ тяжелъ!... Сколько тутъ будетъ вѣсу?... Постою, впору ли онъ мнѣ? (Надеваетъ его). Великъ! Надобно на затылокъ опустить. (Ходитъ взадъ и впередъ). А тяжело носить такой вѣнецъ! (Останавливается). Теперъ я король! (Беретъ папильничъ). Вотъ мой скипетръ. (Садится на наковальню). А это мой королевскій престолъ. Я засѣдаю въ присутствіи моихъ вассаловъ, ярловъ и бондовъ.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Входитъ ярль ХАКОНЪ. Увидѣвъ ГРИБА, онъ останавливается. Грибъ, въ испугѣ, остается неподвиженъ на мѣстѣ.

Хаконъ, (съ улыбкою): хорошо, хорошо!

Грибъ. Государь!...

Хаконъ. Какъ! мальчикъ, ты дрожишь на престолѣ? Королю это не простительно! Какъ бы ни сильна была буря, угрожающая ему погибелью, онъ долженъ встрѣчать опасность смѣлымъ, царственнымъ, достойнымъ взглядомъ. Тогда тучи разсѣются, небо прояснится и солнце озаритъ его вѣнецъ.

Грибъ. Да, ты правду говоришь, государь. Я глубоко чувствую, что не рожденъ для этой чести.

я даю, но тогда горе тебѣ, если вѣнецъ не будетъ мнѣ впору!

Уходитъ.

Бергторъ. Я старъ, голова мая покрыта сѣдинами, какъ утесъ снѣгомъ. Три дня сроку ты даешь мнѣ? Боги, можетъ-быть, дадутъ едва три часа, и ты еще думаешь, что я боюсь твоихъ угрозъ? Нѣтъ! скорѣе Бергтора пронзить собственный мечъ, чѣмъ я передѣлаю вѣнецъ. Кто до него доросъ, тотъ пусть и носитъ.

АКТЪ ВТОРОЙ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Островъ Мостеръ. По сторонамъ лѣсъ и утесы; въ дубиннѣ море.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ОЛАФЪ, ТАНГБРАНДЪ, ТОРЕРЪ, КАРЛГОВУТЬ, и ЮСТЕЙНЪ. Въ отдаленіи королевская стража.

Олафъ. Вотъ это дружба! Ночью море переплылъ, чтобы застать меня! Ты правъ: еще часъ, и я утѣхалъ бы.

Тореръ. Я недостойнъ былъ бы твоей пріязни, государь, если бъ не почелъ долгомъ навѣстить тебя здѣсь, тотчасъ же, когда получилъ вѣсть о твоёмъ прибытіи.

Олафъ. А кто эти витязи?

Тореръ. Твои родственники, государь. Вотъ это Карлговуть, а это — Юстейнъ. Они тебѣ, по матери, двоюродные братья. Они давно уже желали видѣть знаменитаго Олафа.

Олафъ. Родственники? О! тогда двойной привѣтъ вамъ!

Юстейнъ, (подастъ ему руку). Здравствуй, Ола!

Олафъ. Ола! А! слышно, что ты настоящій Трепдець! Ты такъ полно выговариваешь. Я такъ не могу. Я былъ мальчишкой, когда, съ матерью, принужденъ былъ оставить отечество. Она была вамъ сродни?

Карлговуть. Какъ же, тетка: ея братъ, Гальдапъ, нашъ отецъ.

Олафъ. Да вы и похожи на Астриду! Да, я вижу это, хотя и рано лишился матери. У тебя, Юстейнъ,

ямочки на щекахъ, такія же, какъ у нея были; у Карлговута ея бѣлокурые волосы.

Карлговуть. Намъ пріятно, что ты находишь эти сходства.

Олафъ. Ну, что у васъ, въ Норвегій, друзья? Я, какъ вы, конечно, слышали, отправляюсь на Русь. Владимиръ, мой воспитатель, обращаетъ свой народъ въ истинную вѣру и я спѣшу помогать ему совѣтомъ и дѣломъ. Я плылъ здѣсь мимо... и не думалъ о Норвегій. Но когда передъ моими глазами поднялись родныя скалы и привѣтливо закивали темнозеленыя вѣтви сосенъ, — меня невольно повлекло сюда. Синія волны вокругъ корабля превратились въ русалокъ и плескъ ихъ въ звонъ арфъ. Онъ заплѣл мнѣ полузабытую пѣсню, которую я слышалъ когда-то, въ дѣтствѣ. Грудь паруса съ вождельцемъ поднялась на встрѣчу этой земли, какъ грудь невесты волнуется при встрѣчѣ съ женихомъ. Высокій вымпелъ, какъ птица, свои красныя крылья, словно желая сорваться съ рен, чтобы улетѣть въ лѣсъ. Мнѣ невозможно стало проплыть мимо. Посмотрѣлъ бы я на сына, который оборотится спиною къ матери, когда она ласково, съ любовью, издали протянетъ къ нему руки!... Чтобы не возбудить ни какого подозрѣнія, я остановился здѣсь, у этого пустынного острова, на которомъ стоятъ только двѣ-три рыбацкія хижины, прилѣпленныя къ дикимъ утесамъ. Но мнѣ очень хотѣлось бы узнать кое-что о старой Норвегій, прежде нежели я поѣду дальше. Кто знаетъ, можетъ-быть я уже не увижу болѣе своей родины. Расскажи же мнѣ, Тореръ, что у васъ, все ли хорошо?

Тореръ. Норвегій, по прежнему, твердо стоитъ на своихъ крѣпкихъ утесахъ. Теперь, какъ и прежде, море безсильно бьетъ въ ея высокіе скалистые берега, о которые переломляются даже лучи солнца, чтобы теплѣе упасть въ долину. Но государь... между-тѣмъ какъ снаружи все зелѣтеетъ и цвѣтетъ, нѣдра твоего отечества пожираетъ тайный, страшный ядъ.

Олафъ. Какъ! Хакопъ не осчастливилъ своего народа?

Тореръ. Норвежцы ненавидятъ это чудовище, и онъ того заслуживаетъ.

Олафъ. И все-таки безвозбранно царствуетъ уже осьмнадцать лѣтъ!

Тореръ. Этимъ онъ обязанъ своему прежнему уму,

счастію своего побѣдопоснаго оружія и усталости народа, лишеннаго законныхъ владыкъ.

Олафъ. Что жъ, развѣ нынче благоразуміе оставило его?

Тореръ. Нѣтъ, не оно его, а онъ оставилъ благоразуміе. Гордецъ воображаетъ, что оно ему уже не нужно. Онъ хвалится своимъ геройствомъ. Ярль Хакопъ, говоритъ, побѣдилъ всѣхъ Эриксоновъ, вырвалъ Норвегію изъ рукъ Датчанъ, истребилъ всѣхъ витязей іомсбургскихъ: что же можетъ противостать его могуществу? Избалованный этою славой, этимъ счастіемъ оружія, онъ возгордился и такъ увѣрился въ себя, что совсѣмъ забылъ о благоразуміи; забылъ, что самая твердая, несокрушимая основа престола — народная любовь. Онъ снялъ узду съ своихъ нечистыхъ похотей и всѣмъ страстямъ спустилъ поводья; онъ уже не уважаетъ ни собственности подвластныхъ себѣ, ни закона, ни правъ человѣка; онъ забираетъ къ себѣ всѣхъ женъ и дочерей, какія ему понравятся, и отсылаетъ ихъ назадъ обезчещенными... Рассказывать ли дальше!.. Тайный огонь мятежа уже во многихъ мѣстахъ начинаетъ разгораться, но онъ его не видитъ. Онъ пересталъ страшиться вѣшняго врага и не видитъ, что врагъ-то дома; онъ не видитъ, что язва въѣлась въ сердце, и что бѣдная наша Норвегія только ждетъ прихода храбраго и законнаго владыки, чтобы совершенно свергнуть хищника съ престола.

Олафъ. Возможно ли?

Тореръ. Твои братья могутъ подтвердить мои слова.

Олафъ (къ Юстейну). Что, братецъ, гдѣ жъ ямочки въ твоихъ щекахъ? Ты не улыбаешься? Тебя не радуешь, что благородные сыны Норвегій хотятъ сломить нго хищника?

Юстейнъ (съ смущеніемъ). Государь... я слышюкъ молодъ... я не могу судить...

Тореръ. Нужно ли, чтобы я тебѣ описывалъ, государь, что я чувствовалъ, когда узналъ о твоёмъ прибытіи? Сначала я полагалъ, что тебѣ извѣстно наше положеніе и что ты пришелъ воспользоваться случаемъ... Теперь же, по твоимъ рѣчамъ судя, я вижу въ этомъ обстоятельстве явное внушеніе боговъ...

Олафъ. Ты встревожилъ мое сердце, Тореръ.

Тореръ. Да! такъ зерно въ землѣ шевелится и развивается, чтобы вырасти и лѣтомъ принести плодъ. Ты не забылъ своего предка?

№ 9.

Олафъ (въ раздумьи). Мой предокъ былъ Гаральдъ-Краснокудрый.

Тореръ. Да ты прямой потомокъ Великаго.

Олафъ. Его матери снилось дерево... она спала въ саду и видѣла, будто на ладони ея вырастаетъ вѣтвь; эта вѣтвь мало-по-малу превратилась въ дерево, которое своею зеленою вершиной поднялось высоко подъ облака, и въ стволѣ было толсто и кругло; у корня оно было красно, какъ кровь, но на верху сучья были бѣлы и гладки и осыпали своими сочными листьями все государство. Не такъ ли?

Тореръ. Да, такъ говорить преданіе.

Олафъ. Не Гаральду ли привидѣлся также дивный сонъ о прекрасныхъ кудряхъ его, будто однѣ изъ нихъ, свиваясь въ кольца, упали до земли, а инныя до колѣнъ; однѣ разсыпались по плечамъ, а другія нѣжно и мило завивались на лбу?

Тореръ. Да, всѣ тогда полагали, что это означаетъ многочисленныхъ его потомковъ, которымъ суждено долго править царствомъ. Но... прости мнѣ, государь, этотъ вопросъ... зачѣмъ же ты не постоялъ за свои права на норвежскій престолъ?

Олафъ. Далеко было; притомъ, онъ былъ уже занятъ. Совѣсть призывала меня громче, нежели честолюбіе. Меня влекло тогда на югъ, гдѣ проповѣдывалось святое слово Спасителя. Блаженство небесное далеко перевѣшиваетъ всѣ блага мірскія. Я искалъ любви, и любовь приняла усталого странника къ своему очагу въ Дублинѣ. Но я никогда не забывалъ своего отечества, ни того, что я внукъ Гальдана-Чернаго. Мнѣ часто приходила мысль взяться за мечъ и отбить свое правое и родовое достоиніе. Но потомъ я слышалъ опять, что Норвегія счастлива подъ скипетромъ храбраго Хакопа, и я не хотѣлъ нарушать ея спокойствія.

Тореръ. Да; но теперь не то! Если Норвежцы услышатъ, что еще живетъ одинъ благородный внукъ Гаральда, они всѣ перейдутъ къ тебѣ, лишь только твои корабли войдутъ въ дронггеймскій заливъ. Я затѣмъ и спѣшилъ, чтобы передать тебѣ эту вѣсть. Олафъ! послушайся моего совѣта: не ходи воевать за чужихъ, повинуйся волѣ судьбы и мановенію боговъ... Называть это предопредѣленіе небесное случаемъ — значить богохульствовать!

Олафъ. Эта вѣсть поразила меня. Дайте мнѣ по-

думать. Оставьте меня одного. Подите куда въ шатеръ, отдохните съ дороги, освѣжитесь.

Тореръ, Юстейнъ и Карлгоуль уходятъ.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ОЛАФЪ и ТАНГБРАНДЪ.

Олафъ. Ну, Тангбрандъ, ты молчалъ?

Тангбрандъ. Я молча радовался твоему счастью. Ты будешь королемъ прекрасной земли.

Олафъ. Королемъ язычниковъ, которые противятся Богу.

Тангбрандъ. Тѣмъ больше будетъ твоя слава, когда ты приведешь ихъ на путь истинный.

Олафъ. Но я хотѣлъ итти къ Владиміру.

Тангбрандъ. Туда тебя призывали одни слухи. Привычный къ дѣятельности, ты былъ утопленъ покоемъ и искалъ подвиговъ, приличныхъ воину-христианину: ты хотѣлъ распространить славу Божию...

Олафъ. И, подумай, Тангбрандъ, гдѣ я могу теперь распространить ее... въ отечествѣ!

Тангбрандъ. Первое право на помощь твою принадлежитъ родитѣ; потомъ уже ты можешь помогать чужимъ.

Олафъ. Однакожъ, не только вѣрою одной бьется теперь мое сердце, оно радуется своимъ правамъ и своему счастью. Скажи, благочестивый другъ мой, грѣхъ ли это, что Олафъ радуется своему счастью?

Тангбрандъ. Наслаждаться свѣтлыми радостями жизни съ благочестіемъ и скромностью значить, только славить благость Всевышняго. Благо тому, кто въ земной радости всегда видитъ отраженіе Вѣчнаго. Благо тебѣ, если тебѣ, какъ вѣрному пастырю, удастся повести вѣренную тебѣ паству правымъ путемъ истины.

Олафъ. Оставь меня на время, другъ мой; мнѣ нужно уединеніе.

Тангбрандъ. Христосъ да укрѣпитъ тебя, благородный ратникъ Божій.

Уходятъ.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

Олафъ (однажды, сложивъ руки, становится на колѣни). Сердце таетъ при этой мысли! Господи! я ли, слабый человѣкъ, то орудіе, которое Ты избралъ, чтобы распространить Свою святую силу на землѣ? Отче, я въ Твоей десницѣ! Да будетъ воля Твоя! (Встаетъ, въ

восторгѣ). Да, я чувствую, рука моя могуча и грудь сильна! Да, Господи! я буду посланникомъ Твоимъ! Этимъ мечемъ, подобіемъ святаго креста Христова, я стану поборать твоихъ враговъ, и, какъ добрый пастырь, отечески, заботливо поведу бѣдную заблудшую паству. Тамъ, гдѣ, середь мрака и ужасовъ, стояло капище Одина, гдѣ лилась на жертвенникахъ человѣческая кровь, я воздвигну храмы истинному Богу, въ которыхъ жертва будетъ — омиамъ; которые не будутъ оглашаться ревомъ трепещущихъ подъ топоромъ животныхъ и неистовыми криками окровавленныхъ жрецовъ, ни осквернятся шумными пиршествами, но будетъ только возноситься на крыльяхъ стройнаго пѣнія теплая молитва благочестивыхъ и будетъ совершаться въ благоговѣніи святая Тайная Вечера, — завѣтъ истиннаго Бога. Во имя Христа Спасителя, я изгоню ненависть, насиліе, убійство и обманъ, и да утвердится истина, невинность и вѣчная любовь!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дронггеймъ. Ляснал дорога.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ХАКОНЪ, вооруженный, встрѣчается съ ТОРОЙ.

Хаконъ (съ замѣшательствомъ). А!... это ты, Тора?... И тебя вызвала прекрасная погода?

Тора. А кто вызвалъ тебя, Хаконъ? Конечно, не Тора. Ты вооруженъ?

Хаконъ. Чтобы итти на разбойника, который дерзко набѣжалъ на наши берега и опустошаетъ ихъ.

Тора. Стало-быть, я обязана только случаю, что еще разъ вижу тебя передъ отъѣздомъ?

Хаконъ. Ты не въ духѣ, Тора?

Тора. Хаконъ, Хаконъ! ты не любишь меня!

Хаконъ. Если же не люблю, такъ развѣ ты думаешь, что холодное, гнѣвное подозрѣніе и горькіе упреки могутъ пробудить мою любовь?

Тора. И это я должна слышать... я, которую ты еще недавно любилъ больше всего на свѣтѣ, которой ты клялся въ вѣчной вѣрности! О, я безумная! я вѣрила тебѣ... я оставила свой домъ и родителей и, обольщенная, бросилась въ твои объятія, обманщикъ! И теперь... о! я заслужила этотъ позоръ!

Хаконъ. Какой же позоръ? какой позоръ, Тора?

Гдѣ твой прежній откровенный взглядъ любви? Ты подарила мнѣ любовь свою, это правда; и я былъ счастливъ отъ этого милаго дара. Хорошо. Чего жъ ты теперь хочешь? Развѣ сердце твое приобрѣлъ какой-нибудь юноша, взыхающій на луну? Не ты ли говорила, что любишь меня такъ страстно за то, что я мужъ, и мужъ превосходнѣйшій изъ всѣхъ? Что же значить быть мужемъ? Мужу развѣ приличны вѣчныя лобзанья и пѣга въ объятіяхъ милой? Два цѣлыхъ мѣсяца я провелъ съ тобою такъ сладостно, какъ только могутъ провести время любовники въ надзвѣздномъ царствѣ Фрей. А теперь потребно присутствіе витязя въ полѣ, — и онъ повинуется своему долгу. Игры любви должны уступить мѣсто игрѣ оружія, войнѣ. Будь разсудительна; поѣзжай домой на это время. Мы скоро опять увидимся, и тогда Хаконъ опять будетъ страстнымъ любовникомъ.

Тора. И этимъ дѣло кончено? Этимъ вознаграждена любовь и вѣрность Торы? Я заслужила это!... Да, да, клянусь коварнымъ Локомъ! я заслужила это вѣроломство!.. Зачѣмъ я вѣрила! Ты говоришь о моемъ открытомъ взглядѣ любви? Мой взглядъ еще такъ же открытъ, какъ былъ, и такъ глубоко, такъ проникателенъ, что ясно видитъ, что рѣчь съ тобою была бы потеряна: внушить тебѣ нѣжное чувство не возможно. Но то мнѣ больно, то убиваетъ меня, что ты такъ дерзко, съ такимъ безстыдствомъ, безъ малѣйшаго состраданія и уваженія ко мнѣ, разрываешь узы, которыми такъ часто называлъ священными... (Плачетъ.)

Хаконъ. Я люблю тебя, Тора! Еслибъ я намѣренъ былъ совсѣмъ оставить тебя, я не могъ бы говорить такъ спокойно. Ты не понимаешь меня!

Тора. Ты лжешь, обманщикъ, молчи, ты лжешь!.. О! на что я полюбила тебя?.. Да, я любила тебя! Одна Тора по истинной любви отдалась тебѣ... что мнѣ было въ твоемъ величій? Мой родъ столько же древенъ и знаменитъ, какъ твой... я, ослѣпленная, хотѣла пробудить чистую любовь въ твоей желѣзной груди, хотѣла поселить въ ней добродѣтель и вѣрность.. Но когда же Локъ былъ вѣренъ!... Ты не въ состояніи оцѣнить рѣдкой красоты; блаженнаго чувства и душевной жизни ты не знаешь: ты хищный звѣрь! Твоя любовь — чувственность, алчность къ добычѣ. Теперь ты завидѣлъ новую добычу и, избѣваясь, отталкиваешь отъ себя обманутую прежде. Но иди, иди! У меня есть братья и родственники, витязи, получше

тебя, Хаконъ! Они отомстятъ за опозоренную честь сестры!

Хаконъ (съ принужденнымъ спокойствіемъ). Задохнешься, Тора; отдохни. (Кланчетъ. Является Каркеръ). Если тебѣ хочется сказать еще что-нибудь въ этомъ родѣ, вотъ мой рабъ, доскажи ему остальное. Витязю неприлично слушать вялую брань взбѣшенной женщины.

Уходитъ.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ТОРА и КАРКЕРЪ.

Тора. Чего тебѣ?

Каркеръ. Жду побранки, по приказанію моего господина и повелителя.

Тора (бьетъ его) Презрѣнный!

Каркеръ. Сударыня, остерегись: ушибешь руку о мой носъ.

Тора (опомнившись). Га! Тора, ты унижаешься. Гдѣ твоя гордость, твое величіе?... Рабъ, оставь меня.

Каркеръ. Нѣтъ; этого ярль не приказывалъ.

Тора. Что же онъ приказалъ?

Каркеръ. Сказать вамъ, что повозка готова и что вы тотчасъ можете ѣхать въ Римоль.

Тора. Хорошо, Каркеръ. Онъ нашъ господинъ. Пойдемъ.

Уходитъ. Каркеръ призываетъ другихъ слугъ.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

КАРКЕРЪ, ЛЕЙФЪ и другіе.

Каркеръ. Госпожа Тора ѣдетъ домой; ступайте укладывать ея пожитки. Она разстается съ нами и оттого сердится. Если вы искусно разобьете или сломаете что-нибудь изъ ея вещей, то, можетъ-статься — навѣрное не поручусь, — а можетъ-статься, она васъ ударитъ по носу такъ же, какъ и меня. А, право, такъ душу и щекотитъ! У нея такая нѣжная, бѣлая, маленькая, мягкая рука! Мнѣ показалось, будто я ткнулся носомъ въ шелковую подушку.

Лейфъ. Э! неужто?

Каркеръ. Ей хотѣлось бы пододѣе остаться, да что, вишь ли, невозможно. Нельзя же обижать дру-

гихъ! Вотъ теперь отрядъ нашихъ отправился въ Гайндорфъ, за Гудруной. Она вступитъ въ права и должность Торы.

Лейфъ. Опять новая!

Каркеръ. Опять? Видно, что ты недавно служишь при дворѣ ярла: иначе ты не тому удивился бы, что опять, а тому, что уже такъ давно не было новой. Подумай, вѣдь Тора прожила у насъ цѣлыхъ два мѣсяца! Это не годится. Самъ ты разсуди, когда же очередь дойдетъ до другихъ дѣвушекъ?

Лейфъ. До другихъ? Я понимаю, понимаю!

Каркеръ. Да! Ну, въ сторону объясненія и доказательства. Самъ ты разсуди и скажи откровенно: будь ты ярлъ и будь у тебя воля — не то же ли ты сдѣлалъ бы?

Лейфъ. Да, что нашелъ бы приличнымъ.

Каркеръ. Ты новичекъ; это разслышитъ и слѣпой. Иначе ты разсудилъ бы, что такому витязю, у котораго такая голова, притомъ еще наполненная такимъ множествомъ вещей....

Лейфъ. Я понимаю, Каркеръ; я очень хорошо понимаю.

Каркеръ (разсѣрдившись на то, что его прерываютъ). Ну, что жъ ты такъ хорошо понимаешь, говори!

Лейфъ. Ты хочешь сказать, что такой витязь и великій господинъ, который ежедневно стережетъ норманскихъ мужей, необходимо долженъ ночи проводить съ норманскими женами.

Каркеръ. Размѣется! Это здравый разсудокъ говорить.

Уходить.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЭЙНАРЪ-САМОСТРѢЛЬ ПОМОЖЪ ХАКОНЪ.

Эйнаръ (вспѣвши къ концу предыдущей сцены, съелъ на пиз и поправилъ свой лукъ). Кто это идетъ? А! это *Хаконъ*. Погоди же, я его испытаю. Говорятъ, его ничѣмъ не испугаешь. (Спускаетъ стрѣлу и хохочетъ). Ранилъ! Я ранилъ *Хакона* въ перо!

Хаконъ (вбѣгаетъ съ обнаженнымъ мечемъ и схватываетъ *Эйнара* за грудь). Признайся, убійца! кто подослалъ тебя лишить меня жизни?

Эйнаръ (спокойно). Никто, ярлъ. Я не убійца; я честный Норманъ. Семья моя благородна; ты ее знаешь, *Хаконъ*.

Хаконъ. Кто ты, убійца? откуда ты родомъ?

Эйнаръ. Имя отцу моему — Сила, ярлъ. Ты его, конечно, знаешь. Онъ старикъ, но еще крѣпокъ; бороды его густа и руки жилисты. Онъ давно уже живетъ на скалахъ норвежскихъ.

Хаконъ. Какъ! сила? Злодѣй, умри!

Эйнаръ (удерживая его за руку). Слава богамъ, что дали мнѣ силу удержать руку *Хакона*; иначе худо бы мнѣ было!

Хаконъ. Га! какая старая колдунья научила тебя чарами останавливать эту богатырскую руку?

Эйнаръ. Отъ матери научился. Она и въ самомъ дѣлѣ колдунья, да только не старая. Она баба молодая, красивая, — кровь съ молокомъ; имя ей — Здоровье. Она изъ стараго норманскаго племени, такъ же какъ и ты, ярлъ.

Хаконъ. Смерть, смерть тебѣ!

Эйнаръ. Это было бы раненко: мнѣ только двадцать лѣтъ. Отечество не скажетъ тебѣ спасибо, если ты станешь убивать лучшую его молодежь.

Хаконъ. Ты хотѣлъ злодѣйски умертвить меня!

Эйнаръ. Клянусь Однимъ и Фреей, нѣтъ! Я хотѣлъ снять перо съ твоего шлема, — и только!

Хаконъ. Для испытанія своей ловкости ты избралъ *Хакона*?

Эйнаръ. Только его перо, ярлъ, только перо. Мнѣ сказывали, будто ты ни чего не пугаешься. Чтобы испытать это, я сшибъ твое перо. Эта рана скоро заживетъ. Она много-много будетъ стоить тебѣ новаго пѣтушьяго хвоста. Впрочемъ, если хочешь поддержать промежъ пальцевъ мелкую серебряную монету, и если я стрѣлю не вышибу ея у тебя, не задѣвъ кожи, то назови меня убійцей и тутъ же вздерни на первое дерево.

Хаконъ. Я вѣрю тебѣ: твои глаза не лгутъ. Вотъ, подъ вершиной этой березы, на бѣлой корѣ есть черное пятно. Видишь?

Эйнаръ. Вижу.

Хаконъ. Попади въ него, такъ я тебѣ повѣрю во всемъ.

Эйнаръ (спустивъ стрѣлу). Ну, теперь вѣришь?

Хаконъ. Ты рѣдкій стрѣлокъ! Привѣтъ тебѣ. У насъ ходитъ слухъ объ одномъ молодомъ парнѣ, лучше котораго, говорятъ, никто не стрѣляетъ изъ лука. Я послалъ звать его къ своему двору. Когда онъ придетъ, пусть увидитъ, что и въ Дронтеймѣ есть хорошіе стрѣлки.

Эйнаръ. Пусть придетъ, я съ нимъ помярюсь. А какъ его зовутъ?

Хаконъ. Эйнаръ-Самострѣль.

Эйнаръ. Э! да и меня такъ зовутъ! Пусть его придетъ. Видно, я по всему на него похожъ, даже по имени.

Хаконъ. Ты Эйнаръ?

Эйнаръ. Да, я одинъ. Пусть придетъ другой, такъ мы увидимъ, который изъ насъ первый.

Хаконъ. О! да какой же бойкій и проворный парень! Ты уже и здѣсь! (Треплетъ его по щекамъ). Какой молодецъ! красавецъ... и какъ силенъ! Я люблю такихъ ребятъ. Ну, что жъ, хочешь служить ярлу *Хакону*?

Эйнаръ. Коли могу чѣмъ услужить, такъ почему же, съ удовольствіемъ. Но здѣсь теперь вѣдь такъ спокойно и тихо, какъ у старой бабы за печью.

Хаконъ. Ну, не такъ спокойно, какъ ты полагаешь. Мнѣ нуженъ молодой, сильный и храбрый народъ. Я теперь же иду съ флотомъ въ море, на разбойника. Пойдешь со мной? Услужишь *Хакону* и себѣ добудешь славы.

Эйнаръ. Охотно... Э! да какой у тебя богатый лукъ... съ золотомъ и серебряною насѣчкой... У меня, просто, деревянный, съ медвѣжьей струной.

Хаконъ (снимъ свой лукъ и подавалъ *Эйнару*). Возьми этотъ лукъ, *Эйнаръ*, и береги, въ знакъ *Хаконовой* дружбы.

Эйнаръ (натягивая тетиву). Ахъ, какъ слабъ! Нѣтъ, возьми его назадъ. Онъ слишкомъ тяжелъ, а упругости нѣтъ. Мой простой гораздо лучше.

Хаконъ. Гордецъ, ты презираешь подарокъ *Хакона*?

Эйнаръ. Нѣтъ; у *Хакона* есть нѣчто, чѣмъ *Эйнаръ* не пренебрегъ бы, еслибъ ему было предложено.

Хаконъ. Что жъ такое?

Эйнаръ. У тебя есть дочь, ярлъ, прекраснѣйшая

роза на лилейномъ стеблѣ... Но объ этомъ еще успѣемъ поговорить.

Хаконъ. Что же ты хочешь сказать?

Эйнаръ. То, что я хотѣлъ бы заслужить Берлоту.

Хаконъ. Ты мѣтишь въ высокую цѣль!

Эйнаръ. Такъ и слѣдуетъ доброму стрѣлку. Моя стрѣла далеко хватаетъ: это ты знаешь. Но прекрасные глаза тоже далеко мечутъ свои стрѣлы.

Хаконъ. (улыбаясь). Значитъ, стрѣлокъ подстрѣленъ?

Эйнаръ. Объ этомъ ты узнаешь, когда его стрѣлы побьютъ твоихъ враговъ. Пойдемъ на корабль.

Хаконъ. Какъ! ты уже готовъ?

Эйнаръ (ударивъ по колчану). У меня пожитки всегда за плечами. Пойдемъ.

Хаконъ. Славный парень! Я полюбилъ тебя.

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Хижина Бергтора-Кузнеца.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

БЕРГТОРЪ, его дочери, ихъ жены и другіе поселане сидятъ за свадебнымъ столомъ.

Бергторъ. Ну, веселѣй, ребята! прикладывайтесь къ чаркѣ, не жалѣйте меду. Медъ старшій, добрый. Я самъ, когда справлялъ свою свадьбу съ Гунделой, положилъ эту бочку въ погребъ и поклялся, что тогда только откупорю ее, когда стану справлять свадьбу своей дочери. И я сдержалъ слово. Дожилъ я на старости до веселаго дня! Не добрая ли дѣвка твоя невеста, Ормъ? Она девятью мѣсяцами, ни больше ни меньше, моложе этого меду. (Къ *Гудрунѣ*). Въ первый разъ, когда увидѣлъ тебя, я побранился съ женой. Что мнѣ, дескать, это за ребята! куда мнѣ дѣвать дѣвченокъ? Подай мнѣ мальчиковъ, изъ которыхъ бы я могъ образовать вонновъ, добрыхъ витязей!.. и бросилъ бѣдняжку назадъ въ колыбель.

Ормъ. А потомъ полюбилъ, небось, даромъ что была дѣвушка?

Бергторъ. Да! постарше стала, такъ я и самъ не знаю, какъ случилось... стала ползать около погль, карабкаться на колѣнки, да хвататься рученками за бороду... подросла, да похорошѣла... А когда дѣвуш-

ка станетъ этакъ лѣтъ пятнадцати, шестнадцати, по-неволѣ полюбишь... ужъ такова природа: принужденъ полюбить.

Ормъ. Старикъ-то расходился сегодня! Торвальдъ, пусти-ка въ ходъ большой рогъ. Что-то мало пьютъ у насъ, кажется.

Торвальдъ. Мало? А мнѣ кажется, что я утопаю, какъ Фіольниръ, что съ-пьяна упалъ въ бочку съ медомъ и совсѣмъ захлебнулся.

Бергторъ. Тише, ребята... кто это стучится?

Торвальдъ. Вѣрно, еще гости. (Отворяетъ дверь).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ТѢ ЖЕ, СТЕЙНЪ и толпа вооруженныхъ.

Торвальдъ. Кто вы, молодцы, и зачѣмъ пришли?

Стейнъ. Мы слуги ярла Хакона; пришли сказать вамъ его слово.

Ормъ. Что такое, говори; мы слушаемъ.

Стейнъ. Мы не думали найти такое большое собраніе, хотя и знали, что ты правишь сегодня свою свадьбу.

Ормъ. Что жъ вамъ нужно, говори коротко.

Стейнъ. Ну, коротко и ясно: ярлъ Хаконъ шлетъ тебѣ привѣтъ. Онъ знаетъ тебя, Ормъ, какъ добраго малаго, который понимаетъ свои обязанности и умѣетъ повиноваться. Ярлъ видѣлъ твою невесту: она ему полюбилась и онъ непремѣнно хочетъ обладать ею. Онъ надѣется, что ты исполнишь его желаніе и уступишь ему невесту.

Ормъ. Вы пришли похитить мою невесту?

Стейнъ. Не похитить, напротивъ, мы надѣемся отвести ее по доброй волѣ.

Ормъ. Подлый рабъ! вольному Норману ты смѣешь дѣлать такое предложеніе?

Стейнъ. Не одинъ женихъ, такой же вольный какъ и ты, называлъ это предложеніе счастьемъ. Мы думали пайти тебя одного, въ своей семьѣ... Твоя поспѣшная свадьба заставляетъ поспѣшить и предложеніемъ.

(Межъ гостей ропотъ негодованія.)

Бергторъ. Это ужъ слишкомъ! Убирайтесь изъ моего дому, дерзкіе рабы!

Торвальдъ (схвативъ рогъ.) Поклонитесь вашему ярлу, скажите, что я пью его смерть! (Пьетъ).

Гости. Вонъ, Хаконъ рабы!

Стейнъ (къ своимъ.) Не поддавайтесь, ребята!

Торвальдъ. Вы еще стоите?

Бергторъ. Вотъ, я сковалъ себѣ молотъ, изъ лучшаго желѣза. Что разъ имъ ударю, то четверыхъ такихъ рабовъ побью!

Гости. Бей ихъ, собакъ! бей!

Драка. Гудруна падаетъ въ обморокъ. Рабовъ выгоняютъ.

Астрида. Сестра! милая Гудруна, опомнись! Они выгнаны. Взгляни въ окно, смотри, какъ слуги бѣгутъ.

Мужчины возвращаются.

Ормъ (замѣтивъ положеніе невесты, падаетъ къ ея ногамъ.) Гудруна! милая! жизнь моя!... Бабы, что жъ вы? гдѣ ваше искусство? Чего вы визжите! Подайте мнѣ мою невесту! спасите ее отъ смерти!... О, моя Гудруна!

Торвальдъ. Клянусь мощнымъ Однимъ и Валгаллой! клянусь этимъ мечемъ, запятаннымъ кровью Хаконovýchъ рабовъ! Я отрекаюсь отъ Хакона! Смерть ему! Я не успокоюсь, пока не отомщу этой обиды!

Бергторъ. А я... я уже съдъ; преклонныя лѣта почти совсѣмъ изсушили мозгъ въ моихъ костяхъ, но я чувствую еще довольно силы, чтобы отомстить за себя. Вотъ бѣдная дѣвушка, блѣдная, убитая, лежитъ на груди жениха какъ увядшій цвѣтокъ.... Кто ее убилъ? Норвежцы! я старшій здѣсь, между вами; я отецъ этой дѣвушки.... Пойдите ко мнѣ, поклонитесь надъ этимъ молотомъ.... Смерть извергу!

Ормъ. Гудруна, щеки твои румянятся! ты оживаетъ?

Гости (положивъ руки на молотъ.) Смерть Хакону!

(Продолженіе впрѣдъ.)

Науки и Искусства.

ОКЕАНІЯ.

Океанія считается пятою частію свѣта, и имѣетъ полное право на это имя, не только по своему географическому положенію, но и по особымъ характеристическимъ чертамъ населяющихъ ее жителей и по важности тѣхъ интересовъ, которые сосредоточены теперь на нѣкоторыхъ островахъ Великаго Океана. Океанія долго оставалась безвѣстною древнему міру. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, тамъ явились первые Европейцы: то были Испанцы и Португальцы. Въ слѣдъ за ними устремились въ новооткрытыя страны Англичане, Голландцы, Французы и Китайцы. Въ настоящее время представители почти всѣхъ народовъ древняго міра сталкиваются на островахъ Океаніи и полагаютъ основаніе для новаго общества, которое со временемъ будетъ имѣть вліяніе на другія части свѣта. Такъ, для Океаніи открывается великая будущность. Въ то же время и прошедшее этой страны мало-по-малу открывается передъ современнымъ міромъ. Правда, теперь приподняты только верхніе, такъ сказать, слои минувшей исторіи Океаніи, и прежде чѣмъ умные наблюдатели проникнутъ до глубочайшихъ слоевъ древней океанійской гражданственности, этотъ предметъ будетъ представлять обширное поле для догадокъ и предположеній. Въ ожиданіи новыхъ открытій, новыхъ фактовъ, мы обратимъ вниманіе читателей на изслѣдованія Густава Эйхтала о первоначальной исторіи океанійскихъ народовъ.

«Предѣлы Океаніи, говоритъ господинъ Эйхталъ въ своей запискѣ, представленной парижской Академіи Наукъ: совпадаютъ съ рубежами Великаго Океана, то есть, ея границы составляютъ, на западѣ, берега Африки, на востокѣ — берега Америки, на югѣ — южный полюсъ, а на сѣверѣ — азіятскій материкъ. На этомъ пространствѣ, занимающемъ не менѣе двухъ-сотъ-сорока градусовъ, разсыяны безчисленные острова, то одиноко выглядывающіе изъ глубины моря, то соединенные бо-

лѣ или менѣе значительными группами; нѣкоторые изъ нихъ образуютъ только подводныя скалы, либо массы утесовъ, а нѣкоторыя, какъ Борнео, Целебесъ, Ява, Суматра, Мадагаскаръ, Новая Гвинея, считаются самыми огромными островами въ свѣтѣ, изъ которыхъ Австралія, по своей величинѣ, заслуживаетъ даже названіе материка. Всю Океанію можно раздѣлить на четыре главныя части, отличныя одна отъ другой, какъ по географическому положенію, такъ и по отличительнымъ чертамъ населяющихъ ихъ жителей. Къ востоку находится собственно называемая Полинезія, съ своими архипелагами Товарищества, Сандвичевымъ и Новой Зеландіи; къ югу, Меланезія, заключающая въ себѣ Австралію и острова, населенныя черными племенами; къ сѣверу, Микронезія, съ своими Каролинскими и Маріанскими островами; наконецъ, къ западу, Индійскій Архипелагъ, къ которому, не смотря на далекое разстояніе, можно отнести и Мадагаскаръ.

Эти различныя земли заселены двумя разными племенами: чернымъ, которое, не отличаясь существеннымъ характеромъ отъ своихъ африканскихъ собратьевъ, занимаетъ между-тѣмъ низшую степень гражданственности, и смуглымъ, которое, во многихъ отношеніяхъ, приближается къ кавказскому поколѣнію. Черное племя, начиная отъ земли Фанъ-Дименовой и Австраліи, гдѣ оно является на низшей степени правственнаго развитія, распространяется до Индійскаго Архипелага и полуострова Малакки. Вѣроятно, это же самое племя занимало нѣкогда и южныя области Индустана, гдѣ до-сихъ-поръ, особенно въ низшихъ кастахъ, встрѣчается множество черныхъ. Смуглое или полинезійское племя исключительно завладѣло островами восточной Полинезіи, именно архипелагами Новой Зеландіи, Товарищества и острововъ Сандвичевыхъ. Обитатели Полинезіи, на всемъ пространствѣ этой части Океаніи, до-сихъ-поръ сохранили рѣзкое сходство въ одеждѣ, физіономіи и языкѣ, такъ-что племена, жившія въ чрезвычайномъ отдаленіи одно отъ другаго и совершенно забывшія другъ друга, могли понимать взаимный разговоръ, когда, благодаря Европейцамъ, вошли въ взаимныя сношенія.

При помощи морскихъ теченій, пассатныхъ вѣтровъ, которые въ тропическихъ широтахъ Тихаго Океана постоянно дуютъ отъ востока къ западу, и, наконецъ, при помощи муссоновъ моря Индійскаго, — Полинезіицы проникли въ Индійскій Архипелагъ и даже въ Мада-

гаскаръ, откуда перешли на берега Африки. Прежние мореплаватели, проникавшие въ Индѣйское море съ запада, замѣчая поразительное сходство въ обыкновенияхъ и языкѣ Полинезийцевъ, думали, что эти общіе элементы распространялись также съ запада къ востоку, и первоначальнымъ расадникомъ многочисленныхъ океанійскихъ племенъ считали Малайцевъ. Но теперь единодушно принято мнѣніе, что океанійская гражданственность распространялась не иначе, какъ съ востока къ западу, и первоначальный истокъ ея находится въ Полинезій. Три человека, пролившіе особенно яркій свѣтъ на исторію Полинезій, Дюмонъ д'Юрвилль, Эллисъ и Меренгоутъ (Moerenhout), раздѣляютъ то же мнѣніе. Надо только рассмотреть основныя черты гражданственности, говорятъ они, и взять во вниманіе направленіе морскихъ теченій и вѣтровъ, которые постоянно занесли Полинезийцевъ къ западу и, напротивъ, разрушали всѣ попытки проникнуть съ запада въ Полинезій, и мы должны будемъ признать, что расадникъ племенъ, равно какъ и гражданственности полинезийской, находится въ восточной Полинезій. Этотъ фактъ сдѣлался теперь однимъ изъ важнѣйшихъ основанийъ не только для исторіи Полинезій, но и вообще для исторіи рода человеческого.

На всѣхъ полинезийскихъ островахъ, кромѣ одинаковаго языка, господствуетъ одинакая религіозная система, вездѣ одинъ и тѣ же главныя общества, тѣ же обряды, тѣ же игры и то же орудіе. Даже семейныя обыкновения, общественная организація и политическая іерархія представляютъ поразительное сходство. На самыхъ отдаленныхъ островахъ Океаніи, до-сихъ-поръ еще остаются слѣды полинезийской гражданственности, хотя исламизмъ и индѣйская религія, натурально, должны были подавить ее.

Наблюдательные путешественники, со времени Кука, подробно изучили гражданскій бытъ Полинезийцевъ; но ихъ религія скрывалась еще подъ непроницаемою завѣсою. Нѣсколько лѣтъ назадъ, Меренгоутъ прослѣдилъ и этотъ предметъ, собравъ древніе религіозныя гимны полинезийскихъ жрецовъ. Въ этихъ гимнахъ, сохранившихся въ частъ жрецовъ, раскрываются космогоническія идеи. Вотъ одна изъ пѣсней, въ которой прославляется величіе верховнаго божества.

«Онъ существовалъ. Его имя было Таароа. Онъ обиталъ въ пустомъ пространствѣ. Не было тогда ни

земли, ни неба, ни людей. Таароа взываетъ, и ничто не отвѣчаетъ ему, и существуя одиноко, онъ превращается во вселенную. Оси (полюсы) — это Таароа; утесы — Таароа; пески — Таароа; такъ наименовалъ онъ самъ себя.

«Таароа есть свѣтъ; онъ есть зародышъ; онъ — основаніе; неизмѣнный, мощный, онъ создалъ вселенную, вселенную великую и священную, которая есть не иное что, какъ скорлупа Таароа; одинъ онъ приводитъ ее въ движеніе и образуетъ ея гармонию.»

Божество обращаетъ свою рѣчь къ стихіямъ:

«Вы, оси, утесы, пески — это мы; придите вы, чтобы образовать землю. — Онъ сжимаетъ ихъ, сжимаетъ еще; по эти вещества не хотятъ соединиться. Тогда, своей правой рукою, онъ раскидываетъ семь небесъ, чтобы образовать изъ нихъ первое основаніе; родился свѣтъ; нѣтъ болѣе тмы; все приходитъ въ движеніе; блеститъ внутренность вселенной; божество приходитъ въ восторгъ, при видѣ безмѣрнаго пространства; нѣтъ неподвижности; уже существуетъ движеніе; небеса подняты вверхъ; вода наполняетъ свои глубины; вселенная сотворена.»

Не лзя не раздѣлять изумленія господина Меренгоута, при чтеніи этихъ отрывковъ. «Пораженный такимъ языкомъ, говоритъ онъ, какого я не ожидалъ найти на этихъ островахъ, я нѣсколько разъ перечитывалъ эти удивительныя пѣсни. Это открытіе, казалось мнѣ, вдругъ подняло завѣсу, которая такъ долго скрывала отъ меня прошедшее.»

Изъ верховнаго божества истекли всѣ другія божества. Подругою Таароа была богиня Гина, и отъ нихъ произошли и боги и люди. Было и еще другое первоначальное божество, это хаосъ или ночь. Но, начало всѣхъ существъ. *Оро* и *Мауи*, два божества, обитающіе на солнцѣ и управляющіе его теченіемъ, были предметами поклоненія, отъ одного конца Полинезій до другаго. Во время зимняго и лѣтняго солнцестоянія, удаленіе и возвращеніе этихъ божествъ были ознаменованы религіозными праздниками. Замѣчательно, что эти праздники имѣютъ сходство съ торжественными обрядами, которые, въ тѣ же самыя эпохи, отправлялись у Грековъ, Сиріянъ и Египтянъ, въ честь рожденія и смерти солнечныхъ божествъ: Бахуса, Адониса, Озириса. — Кромѣ божествъ, Полинезийцы чтили героевъ, и поэты и жрецы прославляли въ пѣсняхъ чудные подвиги своихъ Геркулесовъ.

Итакъ религіозныя мнѣнія Полинезийцевъ совершенно различны съ мнѣніями варварскихъ племенъ. Они составляли правильную теогонію, которая была раскрыта въ поэтическихъ произведеніяхъ, и, что всего замѣчательнѣе, сохранила во всей Полинезій одинакій характеръ, исключая некоторыя неважныя перемѣны. Гдѣ первый расадникъ этихъ догматовъ, этихъ обыкновений, общественныхъ законовъ, этого языка и, наконецъ, этихъ племенъ, которыя встрѣчаются на всѣхъ островахъ Полинезій съ одинакими чертами? На какой землѣ возникъ и развився зародышъ этой гражданственности? На островѣ какой-нибудь до-сихъ-поръ существующей группы, или, какъ говорятъ туземныя преданія, на какомъ-то материкѣ, который, во время страшнаго наводненія, былъ разрушенъ и поглощенъ волнами? Это вопросъ, еще нерѣшенный.

Всѣ ученые изслѣдователи полинезийскихъ древностей замѣчали связь между древними памятниками Полинезій и стараго свѣта. Напримѣръ, по преданію Сандвичевыхъ Острововъ, Таароа положилъ на воды яйцо, и изъ этого яйца произошли небо и земля, что совершенно сходно съ индѣйскимъ мифомъ. Созвѣздіе Близнецы было извѣстно въ Полинезій подъ тѣмъ-же самымъ именемъ. Поклоненіе солнечнымъ божествамъ напоминаетъ религію Грековъ, Сиріянъ и Египтянъ. Нѣкоторыя преданія даже напоминаютъ исторію библейскую.

Судя по этимъ сближеніямъ, можно думать, что полинезийская гражданственность принадлежитъ къ самой отдаленной эпохѣ; во всякомъ случаѣ, она восходитъ далѣе того времени, какъ различныя полинезийскія племена разсѣялись по островамъ Полинезій и Индѣйскаго Архипелага. Индѣйскій Архипелагъ и Мадагаскаръ, съ незапамятныхъ временъ, служили Полинезийцамъ станціями при переходѣ въ Азію и Африку. Потому неудивительно, что они искони насаждали съмена своей гражданственности среди азіатскихъ и африканскихъ народовъ (?).

Въ древнемъ Египтѣ находятъ несомнѣнныя свидѣтельства, что онъ имѣлъ сообщеніе съ различными частями Океаніи, съ Индѣйскимъ Архипелагомъ, съ Меланезіей и съ Полинезій. Это сообщеніе не представляется ни страннымъ, ни непонятнымъ, потому-что Полинезийцы имѣли поселенія на Мадагаскарѣ, а отсюда недалеко и до Египта. Египтяне, какъ и Полинезийцы, считали въ числѣ главныхъ божествъ хаосъ или первоначальную ночь, мать природы;

у того и другаго народа совершалось *обръзаніе* и было обыкновение бальзамировать тѣла; религіозныя памятники и гробницы строились въ пирамидальной формѣ; воздавалось почтеніе солнечнымъ божествамъ, во время весенняго и осенняго равноденствія; наконецъ, было вѣрованіе, что души обитаютъ послѣ смерти въ тѣхъ мрачныхъ мѣстахъ, куда удаляется солнце во время ночи и зимы. Многія египетскія и полинезийскія слова, относящіяся къ религіи и общественной жизни, также имѣютъ поразительное сходство. Въ полинезийской мифологіи мы находимъ два божества, обитающія на солнцѣ: *Оро* и *Мауи*. Въ религіи Египтянъ, то же есть два солнечныхъ божества почти сходныя, по имени, съ первыми: *Горъ* и *Мауи*. Кажется, во всѣхъ этихъ фактахъ можно видѣть ясное доказательство, что Египетъ и Полинезій искони имѣли взаимное сообщеніе.

Въ Египтѣ находимъ много сходнаго и съ другою частию Океаніи, съ Индѣйскимъ Архипелагомъ. Раффль, изслѣдуя памятники Суку, на островѣ Явѣ, былъ пораженъ ихъ сходствомъ съ памятниками египетскими. «Разматривая эти скульптурныя произведенія, говорить онъ, невозможно не замѣтить въ нихъ близости съ религіею древняго Египта. Пилонъ, равно какъ и другія развалины, представляютъ пирамидальную форму. Чудовище, пожирающее ребенка, напоминаетъ памъ Тифона; собака — Анубиса, аистъ — Ибиса; голубь, ястребъ, огромныя змѣи — все это символы египетской религіи.» Взаимныя сношенія древняго Египта и Индіи — фактъ несомнѣнный, безспорный. Послѣ этого, и сообщенія древняго Египта съ Индѣйскимъ Архипелагомъ не представляетъ ничего удивительнаго и непонятнаго.

Что касается до родственной связи между Египтомъ и Меланезіей, то можно указать на Папусовъ, живущихъ на островѣ *Vaijaci*, у которыхъ встрѣчается много предметовъ, напоминающихъ древній Египетъ. Между-тѣмъ въ языкѣ Папусовъ, равно какъ и другихъ меланезійскихъ племенъ, нѣтъ ни одного слова, сходнаго съ египетскимъ. Но взятъ это, мы находимъ много меланезійскихъ словъ въ языкѣ Мандинговъ, жителей Сенегамби. И въ самомъ дѣлѣ, у Мандинговъ, такъ же, какъ у Фулаховъ и Коптовъ, открываются слѣды полинезийской гражданственности. Известно, что Мандинги переселились на сѣверо-западъ Африки съ востока, и до-сихъ-поръ отличаются отъ

африканскихъ Негровъ по своей физиономіи, которая указываетъ на ихъ океанійское происхождение. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что Мандинги принадлежатъ къ черному океанійскому племени, и что они въ давнія времена переселились въ Африку, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ.

Такимъ образомъ, мы доказали, что въ Полинезій была своя оригинальная гражданственность, хотя первоначальный расадникъ ея еще не извѣстенъ, что въ глубокой древности полинезійское племя расселилось отъ востока къ западу, чрезъ океанійскіе острова, и распространило свой языкъ и свою гражданственность. Следы этого переселенія открыты даже въ Мадагаскарѣ, Египтѣ и на сѣверо-западѣ Африки.»

Вотъ оригинальный, современный взглядъ на Океанію. Надо отдать должную справедливость трудолюбивымъ розысканіямъ господина Эйхтала; но, въ то же время, нельзя не сознаться, что этотъ германскій ученый подверженъ слабости — подводить всѣ факты подъ свой уголъ зрѣнія и, по закону единства, все развивать изъ одного пункта. Океанія для господина Эйхтала кажется первоначальнымъ очагомъ всего человечества. Господинъ Эйхталь, въ самомъ дѣлѣ, отыскалъ множество океанійскихъ словъ въ языкахъ эллинскихъ, италійскихъ и германскихъ. «Судя по фактамъ, такъ заключаетъ господинъ Эйхталь свои изслѣдованія, Полинезія была самымъ важнымъ очагомъ первоначальной гражданственности, зародыши которой полинезійскіе переселенцы потомъ разсыяли на берегахъ Азій и Африки. Быть-можетъ, одинъ изъ этихъ зародышей, брошенный на нильскую долину, пробудилъ и развилъ гражданственность древняго Египта».

Такъ ли это было, или нѣтъ, этотъ вопросъ покуда перешенъ. Во всякомъ случаѣ, изученіе океанійскихъ древностей, въ связи съ древностями Старого и Нового Свѣта, должно пролить новый свѣтъ на исторію человечества, и въ этомъ отношеніи Океанія заслуживаетъ дѣятельнаго изслѣдованія.

ЗЕМЛЯ МОСКИТОВЪ.

Земля Мосkitовъ лежитъ въ средней Америкѣ, между одиннадцатымъ и пятнадцатымъ градусами сѣверной широты, и омывается водами залива Гондурасскаго, въ который впадаетъ рѣка Черная, подъ восемьдесятъ-четвертымъ градусомъ долготы. На берегахъ рѣки Черной возвышается городъ Поіе (Poysis), столица округа пойескаго, о которомъ Шотландецъ Макъ-Грегоръ пасакалъ столько чудесъ. Буканіеры (охотники за дикими быками), первые посетили эти берега и нашли въ Индѣйцахъ - Мосkitахъ самыхъ полезныхъ и преданныхъ помощниковъ противъ Испанцевъ. Съ-того времени Англичане, не смотря на верховное владычество Испаніи, присвоили себѣ право рубить тамъ красное дерево. Черезъ нѣсколько времени, когда окончилась война за независимость Америки, Англичане оставили свое поселеніе на рѣкѣ Черной и перевели всѣхъ колонистовъ въ Бализъ. Въ настоящее время, владѣнія бализскія извѣстны у Англичанъ подъ именемъ Гондураса. Индѣйцы - Мосkitы имѣютъ своего короля; онъ царствуетъ въ этой странѣ, которая, по праву или нѣтъ, считается за англійскую короною. Впрочемъ, Англичане, равно какъ и другіе колонисты, переселиющіеся въ этотъ округъ, не могутъ опредѣленно узнать, къ какой они принадлежатъ.

Въ 1839 году, англійская компанія средней Америки отправила господина Юнга, въ качествѣ главнаго надзирателя, на берега рѣки Черной, поручивъ ему образовать тамъ колонию. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, то-есть, до 1841 года, Юнгъ совершилъ нѣсколько путешествій на мысъ Грасіасъ-а-Діосъ, къ рѣкѣ Черной, въ портъ Трухильо, въ области внутрення и на многіе острова, разсыянные близъ материка.

Господинъ Юнгъ описалъ всѣ эти путешествія и въ своемъ описаніи сообщаетъ самыя свѣжія и точныя розысканія о землѣ Мосkitовъ и о соседнихъ берегахъ. Правда, увлекаясь живымъ воображеніемъ, онъ часто представляетъ предметы въ самыхъ блестящихъ краскахъ; но, не смотря на то, свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о Мосkitахъ, полны и обстоятельны.

Низменные берега страны Мосkitовъ покрыты болотами, изъ которыхъ постоянно поднимаются вредныя испаренія и заражаютъ воздухъ. Растительность тамъ тропическая во всей своей силѣ и изобиліи. Во внутренности возвышаются цѣпи горъ съ длинными отраслями холмовъ, но по берегамъ, сплошь попадаются озера и болота. Гондурасскія саваны представляютъ прекрасныя пастбища. По берегамъ бродятъ толпами черепахи, которыя кладутъ свои яйца въ береговыхъ пескахъ; плодовые деревья растутъ въ глуши лѣсовъ; ароматическія испаренія наполняютъ воздухъ; словомъ, за исключеніемъ немногихъ неприятностей, это—прекрасная, очаровательная страна, гдѣ природа щедро разсыпаетъ свои дары. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, описываетъ ее Юнгъ. Впрочемъ, Юнгъ не очень доволенъ обхожденіемъ нахальныхъ американскихъ комаровъ, которые, безъ церемоніи, нападаютъ и на животныхъ и на людей. «Колонисты, говоритъ онъ, должны получше смотреть за своею лошадыю, если не хотятъ, чтобы тычачи этихъ насекомыхъ отъли у ней уши. Когда у лошади случаются на спинѣ раны, то рѣдко успеваютъ ихъ вылечить, и если, по несчастію, выпустятъ ее въ саваны, то мосkitы нападаютъ на нее съ такимъ острвеніемъ, что пожираютъ живую.»

По описанію Юнга, эта страна заселена тремя племенами: Индѣйцами, Самбусами, племенемъ негританскаго, болѣе или менѣе чистаго, происхожденія, и Караибскими. Караобы, по отзыву Юнга, радушно принимаютъ чужестранцевъ и больше всѣхъ раскупаютъ товары, которые привозятся въ землю Мосkitовъ.

«Караобы вообще народъ мужественный, рослый и одаренный счастливою физиономіей. Какая бѣда, что они слишкомъ лѣнны? Они питаются рыбною ловлею, охотою и произведеніями земли, которую обрабатываютъ женщины. Даже водка не можетъ вывести ихъ изъ обыкновеннаго апатія. Разъ, я обратился къ одному изъ этихъ дикарей и предложилъ ему идти ко мнѣ на работу. Мнѣ не нужны уды, отвѣчалъ онъ, безопасно продолжая путь къ своей хижинѣ: мнѣ не нужны и снаряды! (подъ этимъ словомъ Караобы разумѣютъ водку и матеріи, привозимыя изъ Оснабрука). Въ ту минуту, какъ такіе предметы не соблазнили его на работу, ничто въ свѣтѣ не могло побѣдить его природной лѣноты. Караобы, живущіе на мысѣ, болѣею частью говорятъ по-англійски, такъ-что можно ихъ понимать, а многіе даже легко объясняются на этомъ

языкѣ, что, естественно, зависитъ отъ ихъ долговременнаго пребыванія въ Бализѣ, гдѣ они проживаютъ иногда по два и по три года. Колонисты нанимаютъ ихъ для рыбной и звѣриной ловли. Женщины караибскія не лишены красоты: ихъ большіе черные глаза довольно выразительны, формы такъ правильны, а маленькія ножки заставили бы позавидовать себѣ любую Андалузянку. Я встрѣчалъ двушекъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати, которыя были настоящими красавицами. Платье ихъ довольно незатѣливо; подвязанный поясомъ передникъ и лоскутъ шелковой матеріи, которыми они покрываютъ тѣло до коленъ, — вотъ и все; ноги и грудь у нихъ остаются открытыми. Но въ праздничные дни онѣ употребляютъ еще нѣкоторые наряды: обвиваютъ нижнюю часть ногъ и рукъ синими или красными бумажными лентами; къ этому прибавляютъ кольца и родъ четокъ голубаго, краснаго и бѣлаго цвѣтовъ.

«Что касается до одежды мужчинъ, она такъ разнообразна, что трудно дать объ ней вѣрное понятіе. Одни носятъ только передникъ, другіе еще надѣваютъ шляпу, украшенную разноцвѣтными лентами, а иные одѣваются въ блузы и щеголюютъ въ красныхъ шипакахъ. Вообще, чѣмъ болѣе они посѣщаютъ англійскія колоніи, тѣмъ затѣливѣе становятся ихъ наряды, — это единственный успѣхъ ихъ гражданственности, которыми они одолжены сношеніямъ съ бѣлыми; но по отношенію къ нравственности, они больше отъ этого теряютъ, чѣмъ выигрываютъ.

«Индѣйцы-Мосkitы всегда отличались храбростію и энергіею; если бы они имѣли хорошихъ полководцевъ, то сумѣли бы показать эти качества и теперь, какъ въ былое время, когда сражались подъ начальствомъ англійскихъ буканіеровъ. Перечитывая почти баснословную исторію этихъ искателей приключеній, видишь, что Мосkitы всегда были самыми вѣрными и безстрашными ихъ союзниками, помогали имъ бороться съ Испанцами, сопутствовали имъ во всѣхъ отважныхъ экспедиціяхъ, служили вожатыми и передовыми, пролагали дороги черезъ лѣсныя чаши и доставали пищу звѣриною охотою и рыбною ловлею. Сколько предпріятій осталось бы неисполненными безъ помощи этихъ дикарей! Ихъ усердіе и вѣрность переходили по преданію отъ отцевъ къ дѣтямъ. До-сихъ-поръ Мосkitы любятъ и уважаютъ Англичанъ и ненавидятъ Испанцевъ. Чтобы выразить все свое презрѣніе къ по-

сдѣдимъ, они называютъ ихъ *штанишками*, потому что Испанцы писанаго класса посятъ штаны, которые едва доходятъ до колѣнъ. Кажется, Дампьеръ рассказываетъ трогательную исторію объ одномъ Москитѣ, Вилліамѣ, который былъ оставленъ на островѣ Хуанъ-Фернандесѣ. Этотъ несчастный прожилъ тамъ три года, своими трудами улучшилъ свое состояніе и легко могъ доставать себѣ кусокъ хлѣба. Разъ, онъ замѣтилъ вдали два корабля, которые принялъ за испанскіе, и отъ страха спрятался въ лѣсу; но, наблюдая съ большимъ вниманіемъ корабли, онъ увѣрился, что этоплыли его друзья — Англичане; тотчасъ воротился въ свою хижину и развелъ на берегу большой огонь, такъ-что дымъ обратилъ вниманіе моряковъ. Одна лодка пристала къ острову и въ первомъ матросѣ, вышедшемъ на берегъ, Вилліамъ узналъ своего соотечественника. Представьте изумленіе и радость бѣдняка, который не могъ уже надѣяться снова увидѣть свою родину, и котораго земляки давно считали погибшимъ!»

Приведемъ нѣсколько словъ о животныхъ, какія встрѣчаются въ землѣ Москитовъ.

«Здѣсь всего чаще встрѣчается гуана, которая живетъ между цвѣтотъ и въ древесныхъ листьевъ. Она составляетъ чудесное-кушанье; ея мясо такъ-же пѣжно, какъ мясо цыпленка, а яйца отменно-вкусны. Здѣсь за одинъ метръ оснабрукской матеріи, либо за два или за три заряда пороха, можно достать любую птицу; поросенокъ стоитъ нѣсколько дороже. На южной сторонѣ мыса ловятъ превосходныхъ устрицъ; въ заливѣ попадается множество рыбы всякаго рода. Туземцы часто отправляются на рыбную ловлю въ ночную пору. Они зажигаютъ лучину; огонь приманиваетъ рыбу, которую бьютъ копьями, какъ-скоро она появится на поверхности воды. Иногда, въ темную ночь, заливъ представляеть великолѣпное освѣщеніе. Дикари чрезвычайно искусно дѣйствуютъ длинными пестами, которые замѣняютъ у нихъ острогу; одинъ становится на краю лодки, и товарищи молча гребутъ веслами; если онъ замѣтитъ въ глубинѣ воды рыбу, которая стоитъ удара, то рѣдко случается ей ускользнуть отъ остроги.»

Чтобы лучше познакомиться съ Москитами, надобно выслушать рассказъ Юнга объ одной его поѣздкѣ. Нашъ путешественникъ съѣхъ на голетъ съ двумя английскими матросами и тремя Индѣйцами. Погода была не очень благоприятна.

«Понутру вѣтеръ началъ свѣжѣть, море волновалось; мы

между-тѣмъ страдали отъ ужаснаго зноя. Капитанъ рѣшился пристать къ какому-нибудь порту. Такъ-какъ мы находились въ шестидесяти миляхъ отъ острова Бонакки, то къ нему и направили свой путь; и на другой день по утру завидѣли землю. Буря усиливалась. Мы распустили столько парусовъ, сколько позволили обстоятельства, и въ семь часовъ вечера вступили въ каналъ. Считая себя внѣ опасности, мы начали поздравлять другъ друга съ счастливымъ окончаніемъ опаснаго путешествія, какъ вдругъ со всею силою разразился ураганъ, — мачта рухнула, и прежде чѣмъ успѣли бросить якорь, голетъ ударился о коралловую мель. Положеніе было самое критическое. Вѣтеръ, дувшій съ моря, гналъ огромные вазы, которые грозили разбить въ дребезги нашъ голетъ. Мы засѣли между двухъ скалъ. Острые кораллы рѣзали киль голета. Мы подали сигналъ, потому-что на оконечностяхъ острова, по слухамъ, поселился какой-то Шотландецъ, и мы надѣялись, что онъ подастъ намъ помощь; но никто не явился на берегъ.

«Тогда мы вздумали спасти свой грузъ. Я обѣщала матросамъ большое вознагражденіе, и они принялись за дѣло. Къ полночи, часть груза была уже въ безопасности. Работа была утомительная; но Москиты не унывали, клялись, что все товары будутъ спасены, и сдержали свое слово. Въ часъ за полночь начался приливъ. Наше положеніе становилось еще хуже; волны покрывали голетъ. Маленькая лодка, въ которой перевозили грузъ на берегъ, подвергалась теперь большой опасности, но Москиты отважно продолжали свое дѣло. Последний разъ они взяли съ собою капитана, одного матроса и значительное количество товаровъ. Я остался на палубѣ съ другимъ матросомъ, въ ожиданіи ихъ возвращенія. Мы цѣпенѣли отъ холода. Судно трещало во всѣхъ своихъ частяхъ; вода зашла уже въ трюмъ. Еще нѣсколько минутъ — и мы погибли бы. Кругомъ поднимались грозные утесы, о которые разбивались пѣнистыя волны. Время шло, лодка не являлась! Нельзя было терять ни минуты. Мы собрали все вещи, изъ которыхъ можно было построить плотъ; это было последнее средство ко спасенію. Вдругъ вѣтеръ донесъ къ намъ голоса нашихъ Москитовъ, и, благодаря имъ, мы вышли на берегъ.

«Было три часа утра. Наше платье промокло; укрыться было некуда. Матросы разложили огонь. Мы обсушились, послѣ чего и уснули.

«На другой день, мы пошли по берегу, и не нашли ничего, чѣмъ бы утолить жажду. Москиты отправились во внутренность острова и вскорѣ принесли намъ свѣжей воды. Изъ большаго засмоленнаго паруса мы сдѣлали палатку и привѣсили койки подъ кокосовыя деревья, которыя, своими густыми вѣтвями, защищали насъ отъ палящихъ лучей солнца. Надо сказать, что, изъ предосторожности, мы оборвали все плоды съ этихъ деревьевъ; иначе своими падеіемъ они могли бы нарушать нашъ сонъ довольно неучтивымъ образомъ.

«Надо было промыслить себѣ пищу. Одинъ Москитъ поймалъ острогою огромную рыбу, которую изжарили на противнѣ, и такимъ образомъ у насъ составился чудесный обѣдъ. На другой день я съѣхъ съ двумя дикарями въ маленькую лодку, и черезъ нѣсколько часовъ мы были въ гостяхъ у Шотландца, который принялъ насъ чрезвычайно радушно и сказалъ, что онъ слышалъ наши сигнальные выстрѣлы, но не могъ подать никакой помощи, потому-что, упавши съ высокаго дерева, вывихнулъ себѣ руку. Бѣднякъ, послѣ такого случая, не могъ ни охотиться, ни ловить рыбы, ни дѣйствовать веслами. Его жизнь была самая печальная. Иногда мѣсяца по три онъ не видитъ ни одного человеческого лица. Въ хорошую погоду, онъ ловить рыбу и разставляетъ сѣти для зеленыхъ черепахъ, которыхъ продаетъ жителямъ Бализа и Трухильо, навѣщающимъ его въ известное время. Въ ту пору было у него нѣсколько человѣкъ, но все они на другой сторонѣ острова занимались рубкою смоляныхъ деревьевъ, чтобы нагрузить ими свое судно. Ихъ судно было довольно помѣстительное и мы рѣшились отправиться съ ними на другой день утромъ.

«Во время плаванія, мы имѣли удовольствіе поймать острогою большую рыбу и захватить двухъ морскихъ черепахъ. Последнихъ ловить довольно страннымъ образомъ. Мы плыли вдоль песчаной отмели. Москитъ, по имени Вилліамъ, замѣтилъ въ нѣкоторомъ отдаленіи какой-то предметъ, плававшій по водѣ, указалъ его своему товарищу, и они направили туда лодку. Наконецъ имъ удалось пригнать это загадочное существо къ одной отмели. Вилліамъ выскочилъ изъ лодки, и прежде чѣмъ я могъ оправиться отъ своего изумленія, онъ выплылъ на поверхность моря и держалъ на своей головѣ черепаху.

«Въ одномъ каналѣ мы замѣтили множество большихъ угрей и паловили ихъ для жарка». Вечеромъ

ужинали съ большимъ аппетитомъ: Ъли супъ изъ черепихи, угрей и сухари. Я легъ въ свою койку, рѣшившись продолжать завтра свое путешествіе.

«Въ самомъ дѣлѣ, на развѣтѣ, я отправился съ моими Индѣйцами. Наша дорога лежала черезъ лѣсъ; спустя семь часовъ, надо было остановиться: мы заблудились. Необходимо было воротиться назадъ, и еще къ счастью, мы попали на тропинку, которая привела насъ къ хижинѣ Шотландца. Этотъ добрый человѣкъ вызвался быть нашимъ проводникомъ на другой день. Наступила ночь; намъ подали умѣренный ужинъ, состоявшій изъ кокосовыхъ орѣховъ и дикой петрушки. После ужина, набросавъ на полъ сухихъ кокосовыхъ листьевъ, мы заснули такимъ глубокимъ сномъ, какъ будто на самомъ мягкомъ пуховикѣ.

«Вмѣстѣ съ зарей мы были на погахъ. Надежда встрѣтить пріятелей Шотландца на другомъ краю острова и достать себѣ пищу нѣсколько питательнѣе, чѣмъ наканунѣ, придавала намъ бодрости. Нѣсколько часовъ мы пробирались лѣсною чащей, гдѣ на каждомъ шагу останавливала насъ валежникъ, либо лианы и колючій терновникъ такъ переплетались между собою, что необходимо было прорубать дорогу топоромъ. Иногда случалось намъ переходить черезъ крутыя возвышенности, и нашъ проводникъ рассказывалъ, что во внутренности этихъ горъ скрывается серебряная руда. Англичанинъ, по имени Шенъ, недавно рѣшился добывать здѣсь руду, и употребилъ на это значительныя суммы. Къ его несчастію, Испанцы узнали объ его проектѣ и надеждахъ, пришли на островъ, выгнали англійскаго колониста и закрыли рудокопню. Но никто изъ нихъ не рѣшался продолжать его трудовъ, потому-что болелись справедливыхъ жалобъ Англичанина.

«Нашъ проводникъ увѣрилъ, что минералъ, добываемый въ этой горѣ, былъ лучшаго качества. Есть признаки, что дѣйствительно во внутренности горы скрывается руда. Съ самаго основанія, на ней не показывается никакое растеніе, между-тѣмъ-какъ въ соседствѣ растутъ плодовые деревья и гигантскіе кедры и сосны, которые можно употреблять для кораблестроенія. Испанцы, завидуя Англичанамъ, присвоиваютъ себѣ права на владѣніе этимъ островомъ и безъ пощады вырубаютъ все деревья, въ какихъ имѣютъ нужду, даже уничтожаютъ плодовые деревья, чтобы они не доставались Англичанамъ. Грустно смотрѣть, какъ,

для нѣсколькихъ кокосовыхъ орѣховъ, срубать вѣковые кокосы.

«Скоро вдали засинѣло море, и этотъ видъ удвоилъ наши силы. Наконецъ, мы достигли берега; но судна уже не было. Усталые, истощенные, мы мучились еще пожирающею жаждою. Въ окрестностяхъ не было ни ручейка, ни фонтана.

«Шотландецъ посоветовалъ намъ вернуться назадъ: по всемъ предположеніямъ, судно шло кругомъ острова. Не смотря на усталость, мы опять начали бороться съ теми же препятствіями, какъ и прежде. Прошло три часа, лѣсны и терновникъ царапали намъ ноги и тѣло. Вдругъ проводникъ закричалъ, что онъ сбился съ дороги. При этомъ извѣстїи, мы рѣшительно упали духомъ; но Шотландецъ не унывалъ, шелъ впередъ и своимъ примѣромъ одушевлялъ насъ. Къ счастью, мы перѣдко встрѣчали протоки, на берегахъ которыхъ останавливались, утоляли свою жажду, и освѣжали холодной водою виски, ноги и руки.

«Во всякомъ другомъ случаѣ, развертывавшійся передъ нашими глазами пейзажъ могъ бы показаться восхитительнымъ, но теперь было не до пейзажей. День склонялся къ вечеру, а мы шли на авось, не зная куда приведетъ насъ судьба. Цѣлую милю мы очищали себѣ путь топорами и ножами; наконецъ узнали, что мы шли совсѣмъ не по тому направленію; пришлось снова воротиться назадъ.

«Мы приняли направленіе къ сѣверо-востоку и дошли до огромной сосны, которой одинокая вершина господствовала надъ равниной. Москитъ вскарабкался на самую высокія вѣтви и закричалъ, что море было передъ нами. Впрочемъ, мы были чрезвычайно утомлены, и эта новость почти нисколько не обрадовала насъ. Кроме того, мы боялись, чтобы не пришлось почевать подъ открытымъ небомъ. Солнце было на закатѣ. Все зависѣло отъ нашей дѣятельности; но какъ нарочно передъ нами являлись болѣе и болѣе непреодолимая трудность. Наконецъ, мы дошли до морскаго берега въ ту самую минуту, какъ солнце скрылось за горизонтъ. До нашего канота оставалось не больше мили. Наступила ночь; мы не могли больше держаться на ногахъ, отказались продолжать свой путь по землѣ и рѣшились переправиться черезъ одно озеро, отдѣлявшее насъ отъ перевознаго судна, подвергаясь опасности встрѣтиться съ аллигаторомъ. Извѣстно, что въ стоячихъ водахъ скрывается множество каймановъ; но мы лучше рѣши-

лись встрѣтиться съ воднымъ чудовищемъ, чѣмъ цѣлую ночь страдать отъ безотвязныхъ мушекъ и другихъ ядовитыхъ наѣдокъ.

«И такъ, мы переправляемся черезъ озеро; вода доходитъ до самаго подбородка. Шотландецъ шелъ впередъ. Каждый изъ насъ, на случай опасности, былъ вооруженъ топоромъ. Большую помощь оказывалъ намъ кустарникъ, который поднимался среди озера и раскидывалъ свои вѣтви надъ поверхностью воды. Такимъ образомъ мы дошли до своего канота. Къ несчастію, мы не нашли уже судна; оно отплыло. Но этимъ не кончились наши приключенія. Длинная дорога пробудила въ насъ ужасный аппетитъ, а у бѣднаго Шотландца отыскалось только нѣсколько горстей рису и немного кокосовыхъ орѣховъ. Съ голоднымъ желудкомъ мы расположились на сухихъ лѣсяхъ, подъ небеснымъ сводомъ, на деревянномъ обручѣ, вмѣсто изголовья.

«Къ утру я проснулся отъ пронзительнаго холода; но, не находя никакой защиты и изнуренный усталостію, заснулъ снова. Черезъ нѣсколько часовъ, я нашелъ, что Москиты накрыли меня своимъ платьемъ и тѣмъ спасли отъ ужасной горячки. Эти добрые люди спокойно спали у моихъ ногъ. Я позвалъ ихъ къ себѣ; они тотчасъ встали.

— Хозяинъ, сказалъ мнѣ Вилліамъ: не боленъ ли ты?

— Нѣтъ Вилліамъ, отвѣчалъ я: благодаря Бога и васъ, я здоровъ. Спасибо, мой добрый Вилліамъ. Теперь поищемъ чего-нибудь на завтракъ: я голоденъ.

— И я тоже очень голоденъ, отвѣчалъ Вилліамъ.

«Мы простились съ Шотландцемъ; я общалъ, по своему возвращеніи, прислать ему ветчины и другой провизіи.»

Томасъ Юнгъ сообщаетъ намъ нѣсколько свѣдѣній о королѣ Мосkitовъ. Этотъ король обожаетъ Англичанъ и во всемъ подражаетъ имъ, хотя получилъ не слишкомъ блестящее воспитаніе. Онъ обнаруживаетъ свои законы самымъ простымъ образомъ. Если кому хочетъ объявить свою королевскую волю, посылаетъ либо серебряную медаль, пожалованную его отцу Англичанами, либо палку съ золотымъ набалдашникомъ, либо шпагу, либо какую-нибудь другую вещь, принадлежащую ему. Это называется *токемъ*, и каждый долженъ исполнить повелѣніе, объявленное черезъ посланника. Король Мосkitовъ строго смотритъ за правосудіемъ въ своемъ государствѣ. Ни одно убійство не

остается безъ наказанія; онъ лично присутствуетъ при исполненіи своего приговора.

Вотъ какъ Юнгъ описываетъ одну казнь.

«Въ сопровожденіи нѣсколькихъ Англичанъ и своихъ офицеровъ, король Мосkitовъ отправился къ мѣсту казни. Въ одиннадцать часовъ утра, осужденнаго, съ конвоемъ матросовъ, перевезли съ брика на берегъ. На немъ была рубашка и бѣлые панталоны; это платье дано ему было капитаномъ брика. Лишь только его высадили изъ шлюпки на землю, женщины и дѣти подняли жалобные крики; однѣ катились по песку, другія кричали во все горло. Всѣ выражали свою горестъ самымъ шумнымъ образомъ. Братъ осужденнаго былъ въ ужасномъ отчаяніи. Онъ приблизился къ намъ и голосомъ, прерываемымъ рыданіями, проговорилъ:

— Добрые Англичане! я несчастный человѣкъ! я вашъ невольникъ! Возвратите мнѣ моего брата: оставьте ему жизнь, и мы не станемъ причинять вамъ никакого зла.

— Между-тѣмъ обвиненнаго вели на мѣсто казни. Родственники и друзья ухватились за ноги и не хотѣли его пустить; надо было вырвать его у нихъ силою. Наконецъ веревка обвилась кругомъ шеи; мигу спусти, преступникъ висѣлъ на древесномъ суку. Пущенный выстрѣлъ и англійскій флагъ, опущенный до половины мачты, подали погребальный сигналъ. При такомъ удобномъ случаѣ, король сдѣлалъ наставленіе своимъ подданнымъ—не уклоняться отъ прямого пути, а иначе никто не избѣжитъ висѣлицы.

Мосkitы получили свои законы отъ предковъ. По ихъ законамъ, мужъ обезчещенной жены имѣетъ право на вознагражденіе. Какъ скоро узнаетъ о своемъ безчестіи, онъ можетъ овладѣть первой попавшейся ему добычей: оружіемъ, быкомъ, лошадыю, свиньей, не спрашивая, кто владѣтель этой собственности. Последній долженъ обратиться къ начальнику округа или къ обольстителю жены. Достойный начальникъ требуетъ съ виновнаго выкупа за захваченную вещь. Вообще Мосkitы не слишкомъ строгой нравственности. У нихъ допускается многоженство, и, какъ у Турокъ, первая жена управляетъ остальными. Самъ король подаетъ примѣръ своимъ подданнымъ: онъ держитъ огромный гаремъ.

Жизнь Каранбовъ управляется извѣстными законами, которые распространяются и на домашній бытъ. На примѣръ, они за-разъ могутъ жениться на многихъ

женахъ; но для каждой должно выстроить хижину и развести садъ. Если Каранбъ вздумаетъ подарить чѣмъ-нибудь одну изъ своихъ женъ, то и всѣмъ другимъ долженъ сдѣлать подобные подарки. Мужъ долженъ удѣлять по-ровну всемъ женамъ и время и ласки: онъ живетъ одну недѣлю съ той, другую съ другой, и такъ далѣе. Когда Каранбъ вздумаетъ жениться, то покупаетъ землю и строитъ хижину. Жена управляетъ хозяйствомъ и обрабатываетъ землю, а мужъ живетъ господиномъ. Жена, какъ хозяйка, распоряжается всѣмъ, что достается своими трудами; оставляетъ только необходимое для содержанія мужа и семейства, а все прочее продаетъ, чтобы завести себѣ какой-нибудь нарядъ.

При наступленіи Рождества Христова, нѣсколько женщинъ нанимаютъ, на общій счетъ, суда, нагружаютъ ихъ рисомъ, банапами, бобами и другими произведеніями. Мужья служатъ гребцами и матросами, за что и получаютъ плату. Суда отправляются въ Балисъ или Трухилью. Если жена не успѣваетъ обрабатывать плантацій, то нанимаетъ своего мужа и платитъ ему по два доллара въ недѣлю. Нѣкогорыя женщины нагружаютъ лодки корзинками съ различнымъ товаромъ, который мѣняютъ на соль, матерію или что-нибудь другое. Въ этихъ поѣздкахъ иногда провожаютъ ихъ мужья, но не обременяютъ себя никакою ношею: это ниже ихъ достоинства.

Недавно къ Мосkitамъ прибылъ одинъ миссіонеръ, чтобы проповѣдывать имъ Слово Божіе. Ему дали хижину, и онъ началъ свою проповѣдь. Нѣсколько воскресныхъ дней, онъ подносилъ по стакану грога всѣмъ важнымъ особамъ изъ числа Мосkitовъ, которые приходили его слушать; это было единственное средство, чтобы привлечь дикарей къ проповѣди: они находили такую систему довольно пріятною. Наконецъ благочестивый и ревностный проповѣдникъ думалъ, что можетъ обойтись и безъ этого средства; грогъ болѣе не подавался, за то краснорѣчіе лилось обильнымъ потокомъ. Собраніе слушало проповѣдника, разинувъ ротъ, какъ вдругъ одинъ изъ начальниковъ встаетъ и съ глубокомысленнымъ видомъ произноситъ слѣдующія слова:

«Ничего, кромѣ словъ! Грога нѣтъ!..... плохое дѣло!»

Критикъ покачалъ головою, какъ человѣкъ, вполне убежденный въ истинѣ своихъ словъ и важно вышелъ изъ собранія. Всѣ дикари последовали его примѣру, и

миссіонеръ докончилъ свою рѣчь въ присутствіи двухъ или трехъ англійскихъ колонистовъ.

Много было попытокъ извлечь Москитовъ изъ ихъ невѣжества, но ни одна не удавалась. Дѣло въ томъ, что миссіонеры показываютъ больше ревности, чѣмъ благоразумія. Чтобы учить дикарей, надобно начинать не съ стариковъ и взрослыхъ, а съ дѣтей; пусть они учредятъ школу, и тогда желаніе ихъ увѣчается успѣхомъ.

Томасъ Юнгъ рассказываетъ, какъ Москиты усмирятъ дикихъ лошадей: накидываютъ на голову лошади длинный ремень, или веревку, которую держитъ Индѣецъ за конецъ; потомъ прогоняютъ лошадь въ воду, на песчаную отмель. Индѣецъ, который держитъ веревку, остается на берегу, а другой осторожно подходит къ лошади и, выждавъ благоприятную минуту, вспрыгиваетъ на ея спину. Разъяренное животное защищается скачками и прыжками, но все напрасно; Индѣецъ безъ пощады колотитъ ее въ голову руками. Напрасно лошадь старается сбросить своего сѣдока, онъ будто приросъ къ ея спинѣ. Лошадь выбивается изъ силъ и дѣлается смирна, какъ ягненокъ. Послѣ того, она дрожитъ, слышавъ человеческій голосъ. Случается, что она сбиваетъ сѣдока, но онъ падаетъ въ воду и не терпитъ никакого вреда; потомъ снова занимаетъ свою позицію и снова начинается борьба. Рѣдкая лошадь заставляетъ повторять этотъ урокъ два раза.

Изъ всѣхъ замѣчаний, сдѣланныхъ Юнгомъ, одно заслуживаетъ особаго вниманія. Юнгъ совѣтуетъ быть очень осторожными въ выборѣ рыбы. По его замѣчанію, рыба скоро повреждается отъ морскихъ приливовъ, особенно во время полнолунія.

«Два или три раза Индѣйцы приносили мнѣ въ самую полночь рыбу, только-что выпутую изъ воды. Ее чистили и солили при моихъ глазахъ, и потомъ вѣшали на жердь противъ полной луны; но не смотря на всѣ эти предосторожности, на другой день она уже портилась. Чему это приписать, если не свѣту луны, который имѣетъ гораздо больше силы подъ тропиками, чѣмъ въ нашихъ странахъ?»

Земли, лежащія при заливѣ Гондурасскомъ, почти вовсе необработаны, и тамъ постоянно царствуютъ опасная горячка. Но изумительное плодородіе этой страны представляетъ большія надежды для промышленнаго народа. На берегахъ Бализа, Англичане рубятъ красное дерево, требованіе котораго усиливается

со дня на день. Если проектъ прорыть Панамскій Перешеекъ исполнится, и два океана соединятся каналомъ, то Англія получитъ огромныя выгоды отъ той страны, которая будетъ господствовать надъ входомъ въ каналъ, и быть-можетъ, придетъ время, когда земли Москитовъ будутъ самымъ важнымъ пунктомъ въ торговлѣ между Сѣвѣрною и Южною - Америкою, между Европою и Азією.

С м ѣ с ъ .

ОРЛЕАНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА. Второго Мая 1843 года, въ Парижѣ происходило торжественное открытіе Орлеанской желѣзной дороги. Толпы народа тѣснились у воротъ станціи и радостными криками привѣтствовали первый поѣздъ, въ которомъ присутствовалъ самъ король. Между тѣмъ это открытіе не было невиданнымъ зрѣлищемъ; подобныя торжества совершались въ Парижѣ уже три раза прежде: въ 1837 году открыта желѣзная дорога Сенъ-жерменская, и два года спустя, — двѣ дороги Версальскія. Но Орлеанская дорога пробудила живое участіе и правительства и народа, потому-что ея учрежденіе составляетъ эпоху въ развитіи народнаго благосостоянія Франціи и общасть Французамъ столько блестящихъ надеждъ. Тогда-какъ первыя три дороги устроены только для удовольствія любителей загородныхъ прогулокъ, послѣдняя образуетъ начальное звѣно той безмѣрной цѣпи, которая должна соединить сѣверныя провинціи съ южными и открыть быстрое сообщеніе лучшихъ портовыхъ городовъ со внутренними департаментами королевства.

Съ этой цѣлю, станція Орлеанской дороги построена гораздо обширнѣе, чѣмъ всѣ прежнія. Это зданіе, въ девять-сотъ-восемьдесятъ-четыре фута длиною, замѣчательное по своей изащной простотѣ, походить, въ общемъ расположеніи, на станціи англійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ ея внутренности, размѣщены съ полнымъ удобствомъ, конторы, кассы и пріемныя залы. Дневной свѣтъ проливается во внутренность зданія черезъ сотни оконъ, и съ наступленіемъ ночи все это пространство освѣщается волшебнымъ блескомъ газа. Съ наружной

стороны видѣются аркады и полуциркульныя окна; на большой дворъ выходитъ равлинонь, къ которому подѣзжаютъ кареты.

Проѣзжая по желѣзной Орлеанской дорогѣ, вы любуетесь чудесною панорамною, которая развѣрывается передъ вашими глазами. Свѣжая зелень садовъ и рощей, очаровательная пестрота полевыхъ цвѣтовъ, роскошныя пажити и поля, засѣяныя хлѣбомъ, бѣлые сельскіе домики, деревенскія колокольни, крѣпости, увѣчанныя, унизанныя пушками, фабрики, покрытыя вѣчными облаками чернаго дыма, замки всѣхъ эпохъ, развалины феодальныхъ временъ, великолѣпные парки, — все это мелькаетъ передъ вами на пространствѣ тридцати лѣтъ, отъ столицы Франціи до города, прославленнаго торжествомъ Іоанны Д'Аркъ. Жювизи, эта очаровательная дорога убѣгаетъ подъ каменную арку одного моста. Видъ этой части дороги представленъ на одномъ изъ рисунковъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ Жювизи, когда быстроходная машина мчится по долинь рѣки Оржъ и потомъ пересѣкаетъ долину рѣки Иветты, вы проѣдете черезъ два моста, изъ которыхъ одинъ видите на рисункѣ. Этотъ мостъ поддерживается пятью арками на высотѣ четырнадцати футовъ надъ поверхностью рѣки, которая убѣгаетъ отъ вашего взора въ обѣ стороны самыми прихотливыми излучинами и плещетъ свои прозрачныя волны у береговъ, покрытыхъ прелестными, тѣнистыми рощами и плодородными равнинами. — Черезъ четыре часа, вы достигаете до Орлеанской станціи, которая построена по образцу парижской, съ тою же простотою и тѣмъ же величіемъ.

ТРАГИ-КОМЕДІЯ НА СИБИРСКОМЪ МОРОЗѢ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ О СИБИРИ. Заводы и рудники въ Сибири имѣютъ свои отличныя части въ родѣ городскихъ предмѣстій; они носятъ особенныя названія, напримѣръ Лужки, Зарѣчье, Заячья Шоршневка и тому подобное. Эти части населенія представляютъ разительную противоположность съ главными улицами и отличаются отъ нихъ не только бѣдностью, жалкою архитектурою домовъ, но даже и самыми обычаями жителей, большою частью безграмотныхъ — Здѣсь-то источникъ сплетней и корень мѣстныхъ, бессмысленныхъ слуховъ.

Зимою, дѣтъ двадцать назадъ, въ самый полдень на яснои небѣ замѣчены были всѣми жителями... скаго рудника огненные столбы, большіе круги радужнаго свѣта и т. п. метеорологическія явленія, довольно частыя въ Сибири, предвѣщавшія сильный морозъ; но обитатели Шоршневки перетолковали по-своему это явленіе: они, основываясь на предсказаніяхъ какого-то сумазбродна, распустили слухъ, что это предзнаменуетъ: *буду немилую, напишетъ великую!* ни больше, ни меньше, какъ *преставленіе свѣта!* — Говорили навѣрное, что въ наступающую ночь будетъ подходить къ каждому дому смерть, въ видѣ человѣка, будетъ стучать въ

ставни оконъ и проситься переночевать, тогда молчи — не откликайся; а если кто подастъ ей голосъ, то въ домѣ, гдѣ откликнется, всѣ до одного неминуемо умрутъ. — Эта страшная вѣсть разразилась громовымъ ударомъ надъ Шоршневкою и стрѣлой перелетѣла изъ одного конца ея на другой. Кто поумнѣе — смѣялся надъ этимъ предсказаніемъ; но большую часть народонаселенія Шоршневки она привела въ трепетъ и отчаяніе. Всѣ съ ужасомъ стали помышлять о страшной посѣтительницѣ и, на всякій случай, старались облегчить свои души искреннимъ расканіемъ другъ другу въ нанесеніи какой-либо тайной или явной обиды.

Съ захожденіемъ солнца морозъ усилился до невѣроятности и достигъ наконецъ той степени, въ которой, по сибирскому выраженію, его называютъ *кличимъ, трескучимъ*. Самый воздухъ, казалось, превратился въ какую-то ядовитую, удушающую атмосферу, отъ которой спиралось дыханіе въ груди и коченѣли члены. Всюду водворилась мертвая тишина: ни движенія, ни голоса человѣческаго; только трескъ деревянныхъ строеній отъ сильнаго мороза, да лай неутомимыхъ собакъ, по временамъ, нарушали это глубокое безмолвіе...

Вдругъ, противъ ветхаго домика одной вдовы, — которая не задолго предъ тѣмъ лишилась мужа и осталась съ малолѣтними дѣтьми, — въ глухую полночь, проскрипѣли полозья нѣсколькихъ саней, и въ слѣдъ за тѣмъ послышались шаги, приближавшіеся къ окну ея хижины. Сердце замерло у бѣдной женщины; жалютики, напуганныя страшнымъ предсказаніемъ, жмутся къ матери, точно какъ отъ коршуна прячутся цыплята подъ крыло насѣдки. Настала роковая минута: ставень окна зашатался отъ нѣсколькихъ ударовъ и слово — *«Богъ помоги!»* перекатами грома раздалось въ ухахъ полуживыхъ обитателей ветхаго жилища. Кто можетъ выразить ужасъ семейства?

Удары снова повторяются съ большею силою и ставень едва держится на ржавыхъ петляхъ. *«Богъ помоги!»* (*) слѣдъ уетъ послѣ каждого удара... Какъ ни великъ ужасъ бѣдной вдовы, однако она твердо рѣшилась, да послѣдней крайности, не подавать голоса. Слушаетъ... смерть подходить нѣсколько разъ то къ воротамъ, то опять къ окну, и потомъ съ ропотомъ неголованія удаляется къ другому дому... Стукъ въ ставни и слово: *Богъ помоги* раздавался у многихъ домовъ; но отвѣтомъ на нихъ былъ только громкій лай собакъ; наконецъ все утихло... вдова перевела духъ свободнѣе: опасность, какъ и, миновалась. Вдругъ снова раздается шорохъ за окномъ и удары въ стѣну повторяются съ такою-силою, что образъ, стоявшій въ переднемъ углу на божничкѣ, упалъ на полъ. Тутъ-то бѣдная женщина, при крикѣ дѣтей своихъ,

* *Богъ на помощь.* Это обыкновенно дѣлается такъ всѣми простолюдинами въ Сибири, когда кто подходитъ къ окну дома; на эти слова ему отвѣчаютъ: *добро-желать!* Затѣмъ слѣдуетъ разговоръ пришедшаго съ хозяиномъ.

отъ страха потеряла почти всѣ чувства... но только лишь успѣла опомниться немного — слышитъ за окномъ бодренные стоны, проникающіе въ душу. По какому-то невольному движенію, она подходит къ окну... прислушивается... голосъ знакомый! Господи, что это такое, или мнѣ такъ чудится? думаетъ она. Слабый, дрожащій голосъ съ улицы снова произнесъ: «тетка!... тетка!»... Такъ! она болѣе не ошибалась. Родственная привязанность подавила въ сердцѣ ея чувство суевѣрной боязни, и она, забывъ всю опасность своего положенія, рѣшается спросить: кто тамъ? не ты ли Константинъ? — Но вмѣсто отвѣта ей слышатся какіе-то неясные звуки, похожіе на стонъ умирающаго.

Только теперь она вспомнила, что въ тотъ день къ ней обѣщались пріѣхать племянникъ изъ деревни, и болѣе несомнѣвалась въ вѣрности своихъ догадокъ. Она слышитъ засвѣтить огонь и встрѣтить нечаяннаго гостя; трепещущей отъ страха рукой открываетъ ворота, все еще опасаясь, — не смерть ли явилась морочить ее въ образѣ племянника; но, къ несчастію, то была дѣйствительно она. Бѣдный пріѣхалъ изъ деревни въ рудникъ для продажи хлѣба. Полузамерзлый Константинъ сидѣлъ согнувшись подъ окномъ, покрытый толстымъ слоемъ инея; легковѣрная тетка почти на рукахъ должна была внести въ избу своего племянника, потому-что и силы и память его уже оставили. Съ ужасомъ, только поздно, замѣтила бѣдная женщина свое безразсудство, которое чуть не было гибельно молодому человѣку. Онъ остался живъ — но, къ несчастію, сдѣлался калекою — по милости предсказанія сумасброда и глупаго суевѣрія тетки.

ВОСПОМИНАНІЯ ОДНОГО ФРАНЦУЗСКАГО, ОФИЦЕРА О ПОРТУГАЛЬСКОЙ АРМІИ. — Знаете ли, маршалъ, говорилъ когда-то донъ-Педро маршалу да-Кунья-Маттосу, — вѣдь наши Португальцы славные солдаты! Жаль, что не перестрѣляютъ съ подложныи ихъ начальниковъ: тогда у насъ были бы лучшія войска въ цѣломъ свѣтѣ.

И, въ самомъ дѣлѣ, португальская армія отличается воинственнымъ видомъ, строгою дисциплиною, тревожностію и храбростію. Во время французской кампаніи, въ 1813 году, они вмѣстѣ съ Шотландцами безстрашно бросались, подъ знаменами Веллингтона, на самыя ужасныя баттары и своими трупами устилали поля древней Аквитаніи. Ихъ начальники, достойные потомки тѣхъ искателей приключеній, которые завоевали нѣкогда Индію, къ несчастію, слишкомъ любятъ заниматься политикою. Мы—офицеры, говорятъ они, но вмѣстѣ и граждане, и этого преимущества никто въ свѣтѣ не можетъ отнять у насъ. Увлекаясь такимъ поверхностнымъ сужденіемъ, они часто употребляютъ во зло свою власть надъ солдатами. Между-тѣмъ они и теперь одушевлены прежнимъ рыцарскимъ духомъ; за недостаткомъ пуля, они, говорятъ, вырываютъ у себя зубы, чтобы зарядить ими свои ружья. Въ 1838 году, въ эльвасскомъ гарнизонѣ слу-

жили два офицера, два искреннихъ друга, Соаресъ и Мусиньо. Соаресъ былъ влюбленъ до безумія въ одну молодую дѣвушку; на бѣду, его любовь не увѣнчалась вѣнкомъ Гименея: дѣвушка вышла за другаго офицера, который былъ старше Соареса, по своему чину. Дисциплина не позволила Соаресу отомстить это оскорбленіе, и онъ предался безутѣшной грусти. Напрасно Мусиньо старался разсѣять его мрачныя мысли: всѣ усилія были бесполезны. Соаресъ часто высказывалъ свое отчаянное намѣреніе разомъ прекратить жизнь, которая сдѣлалась для него тяжкимъ бременемъ. Разъ, въ раннее утро, онъ приглашаетъ своего друга разделить съ нимъ умиранный завтракъ, за стѣнами крѣпости. Сидя за столомъ, онъ открываетъ намѣреніе — окончить въ тотъ день свою жизнь. Мусиньо всѣми силами старался спасти друга, но напрасно: Соаресъ былъ непоколебимъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Мусиньо, мнѣ нечего болѣе дѣлать, я исполнилъ долгъ дружбы; дѣлай что хочешь.

Соаресъ отдалъ своему другу два письма, одно къ своей матери, а другое къ женщинѣ, которая за его любовь отплатила ему измѣною, и послѣ этого прострѣлилъ себѣ черепъ. Мусиньо пожалъ охладѣвшую руку своего сослуживца, потомъ далъ знать объ его смерти начальству, доставилъ письма по адресу, и на другой день, утромъ, застрѣлился на томъ же самомъ мѣстѣ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ революціяхъ, которые каждый годъ обнаруживаются въ португальской арміи. Эти революціи нисколько не походятъ на революціи Французовъ, а скорѣе напоминаютъ смотръ или разводъ на Марсовомъ полѣ. Рѣдко случается, чтобы храбрые Португальцы, съ ожесточеніемъ сражающіеся съ врагами, нанесли другъ другу хоть легкую царапину. Португалецъ ни за что въ свѣтѣ не согласится пролить кровь своего соотечественника. Въ царствованіе короля Іоанна VI, въ Рио-Жанейро былъ майоръ Гарсесъ, отчаянный храбрецъ, но вмѣстѣ и человѣкъ самый вѣзданный. Въ кругу своихъ товарищей, тоже отчаянныхъ удалцовъ, онъ слылъ отъемной головою, и никто не смѣлъ оспаривать у него этого преимущества. Его прозвали революционеромъ; и въ самомъ дѣлѣ, каждое утро, за чашкою шоколату, онъ сочинялъ планъ новой революціи. Я познакомился съ нимъ въ одномъ кофейномъ домѣ, въ который мы оба заходили завтракать. «А что, товарищъ? говорилъ онъ, подхода ко мнѣ съ самымъ простодушнымъ видомъ: сочинимъ нынче маленькую революцію?» И такъ-какъ я не слишкомъ любилъ его безпрерывныя тревоги, то онъ прибавлялъ съ какими-то сожалѣніемъ: «Вы вѣчно будете назани; въ вашу голову не запало ни одной порохинки французскаго духа!» Послѣ этого, онъ подходилъ къ какому-нибудь старому артиллеристу; начина-

лась дружеская бесѣда; черезъ четверть часа, они пожимали другъ другу руки и уходили вмѣстѣ. «Идемъ спасать отечество, пронаносилъ тогда Гарсесъ насмѣшливымъ тономъ: сочинимъ какую-нибудь революцію.» И въ самомъ дѣлѣ, майоръ былъ самый отважный защитникъ своего отечества; онъ спасалъ его обыкновенно по три раза на недѣлѣ и никогда не хвасталъ своими подвигами. Черезъ полчаса послѣ того, какъ наши пріатели оставили кофейный домъ, на биржевой площади уже гремѣла военная музыка и раздавались шумныя восклицанія. Майоръ Гарсесъ, верхомъ на своей маленькой лошади, сопровождаемый войскомъ и толпою мальчиговъ, торжественно въѣзжалъ въ улицу Увидоръ. Купцы торопливо запирали свои лавки; улица пустѣла, и Гарсесъ, съ своимъ конвоемъ, приступалъ къ дворцу Сень-Христофъ. Когда эта толпа подходила къ балкону, охранная стража тотчасъ бралась за оружіе и добрякъ-король Іоанъ VI немедленно являлся на балконѣ, въ сопровожденіи своей фамиліи и своихъ придворныхъ.

— Чего хотите вы любезные друзья? спрашивалъ онъ новоприбывшихъ гостей. Съ какою просьбою вы думаете обратиться къ вашему конституціонному королю?

И полководцы начинали совѣтоваться другъ съ другомъ, потому-что заранѣе они не думали ни о чемъ, рѣшительно ни о чемъ, кромѣ революціи.

— Чего требовать намъ? говорилъ Гарсесъ комманданту Сузѣ.

— Чего требовать намъ? говорилъ Суза капитану гренадерскаго полка.

Этотъ вопросъ переходилъ изъ устъ въ уста, и всѣ въ нерѣшимости лишь смотрѣли другъ на друга.

— Не потребовать ли увольненія министра финансовъ? пронаносилъ наконецъ баталіонный казначей.

— О, нѣтъ! ужъ лучше военнаго министра, возражалъ какой-нибудь подпоручикъ.

— По-моему, гораздо лучше отрѣшиться отъ должности министра духовныхъ дѣлъ, говорилъ капелянъ полка.

Каждому хотѣлось поддержать свое мнѣніе, безъ всякой побудительной причины, просто, для того, чтобы придать какое-нибудь значеніе своей революціи. Король всегда выжидалъ развязки на своемъ балконѣ. Случалось, что притворъ падалъ на какого-нибудь министра, и толпа съ шумными восклицаніями повторяла его имя.

— Любезные товарищи, говорилъ тогда добрый король, ваши желанія услышаны; я отставляю министра, который наскучилъ вамъ. Довольно ли вы?

— Да здравствуетъ король! раздавалось со всѣхъ сторонъ. Осужденный министръ иногда стоялъ тутъ же возлѣ своего любимаго короля и лично выслушивалъ народный приговоръ. Торжествующій майоръ отправлялся опять во-своиса, при крикахъ толпы: «Да здравствуетъ Гарсесъ!» Онъ только пожималъ своимъ пріателямъ руки и безпрестанно повторялъ: «Ну, довольны ли вы мною, любезные друзья?»

Въ улицѣ Увидоръ, купцы тотчасъ открывали свои лавки; вездѣ видѣлось торжество; на балконахъ тѣснились дамы въ роскошныхъ нарядахъ, и дождь цвѣтовъ и лавровыхъ вѣнковъ сыпался на побѣдоносныхъ воиновъ. Вечеромъ весь городъ иллюминировался, во всѣхъ улицахъ выставляли портреты либо бюсты Гарсеса, и онъ, съ такимъ простодушнымъ видомъ, какъ и по-утру, снова являлся въ кофейномъ домѣ, садился возлѣ меня, и осушая стаканъ лимонаду, говорилъ:

— Славный былъ день! Нашъ либерализмъ увѣнчанъ блестящимъ успѣхомъ; отечество еще разъ спасено.

Когда король Іоанъ VI возвратился въ Португалію и донъ-Педро занялъ его мѣсто въ Бразиліи, Гарсесъ все-таки не покидалъ своей привычки спасать отечество. Но разъ, утромъ, донъ-Педро, въ сопровожденіи одного адъютанта, прибылъ въ биржевыя казармы и явился въ комнату Гарсеса, который еще предавался утреннему сну.

— Вы все еще не покидаете своихъ вѣтѣй, сказалъ король грознымъ голосомъ. Предупреждаю васъ, майоръ, что пора уже окончить это. Кто здѣсь главный, вы или я?

Гарсесъ, пробудившись отъ сладкаго сна, приподнял свой бумажный колпакъ, и пристально смотря на короля, отвѣчалъ:

— Вамъ угодно знать, кто здѣсь главный? Хорошо, за этимъ дѣло не станетъ.

И вставъ съ постели, въ одной рубашкѣ, онъ подошелъ къ окну. На дворѣ одинъ трубачъ чистилъ свое платье.

— Труби, закричалъ майоръ, подозвавъ трубача: труби, мой другъ!

Трубачъ затрубилъ, и баталіонъ выстроился въ военный порядокъ.

— Теперь извольте видѣть, ваше величество, сказалъ Гарсесъ съ торжествующимъ видомъ: кто здѣсь главный, вы или я?

Въ подобныхъ обстоятельствахъ, трудно было спорить съ храбрымъ майоромъ; но черезъ нѣсколько дней, донъ-Педро отправилъ его въ Лиссабонъ. Теперь Гарсесъ, благодаря своей неизмѣнной революціонной системѣ, считается однимъ изъ отличныхъ, но вмѣстѣ и самыхъ безпокойныхъ, генераловъ. Въ ту минуту, какъ я оканчивалъ эту статью, я, безъ малѣйшаго удивленія, услышалъ, что въ Португаліи произошла новая революція. Давно уже эти храбрые солдаты, скрестивъ руки, высматривали на горизонтѣ хоть маленькое темное облачко, которое бы возвѣстило какую-нибудь революцію. И вотъ наконецъ, еще разъ исполнилось ихъ желаніе! Но подобныя революціи всегда оканчиваются мирно, совершенно иначе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ такіе случаи не проходятъ безъ кровопролитія; а въ Португаліи, будьте увѣрены, никто не полагаетъ ни одной царапины.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТОЕ ФЕВРАЛЯ. Двадцать-девятое Февраля — день необыкновенный, день, повторяющийся только через четыре года. Для тѣхъ женщинъ, которыя не охотно расстаются съ весною жизни, дорогое преимущество — родиться двадцать-девятого Февраля; онѣ становятся старше однимъ годомъ не иначе, какъ черезъ четыре года. Правда, нѣкоторыя женщины, говорятъ, и безъ этого преимущества, ведутъ такой же счетъ своимъ лѣтамъ.

Двадцать-девятое Февраля подаетъ поводъ ко многимъ забавнымъ случаямъ. Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ. Какой-то парижскій денди вздумалъ занять довольно значительную сумму у капиталиста, который бралъ съ своихъ должниковъ безбожные проценты. Капиталистъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе денди.

— Вы дадите мнѣ росписку, сказалъ онъ, открывая свой портфель.

— Очень охотно, отвѣчалъ денди. По условіямъ, вы дадите мнѣ тысячу экю наличными деньгами; назначаю срокъ для уплаты черезъ годъ, и я дамъ вамъ росписку въ трехъ тысячахъ франковъ.

— Вы высчитываете и проценты?

— Разумѣется.

— Конечно, вы понимаете, что я не могу ссужать своими деньгами даромъ.

— Объ этомъ нечего и говорить.

— Въ наше время, деньги — такая рѣдкость! Такъ трудитесь прибавить къ капиталу и проценты.

— Да сколько же вамъ еще нужно?

— Дѣло ясное: тысяча экю черезъ годъ составятъ четыре-тысячи двѣсти франковъ.

— Какъ? Тысяча-двѣсти франковъ процентовъ?

— Сорокъ на сто, — счетъ самый вѣрный. Высчитайте, и увидите, что я не обманываю васъ. А если это кажетъ вамъ слишкомъ много, такъ скажите, и мы не станемъ разсуждать болѣе, продолжалъ капиталистъ, закрывая свой портфель.

— Нѣтъ, нѣтъ! я согласенъ, торопливо проговорилъ денди.

— Очень хорошо! Напишите же росписку.

— Какое нынче число?

Капиталистъ заглянулъ въ свой журналъ и отвѣчалъ: — Двадцать-девятое.

Денди написалъ: 29-го слѣдующаго Февраля, обязуюсь заплатить, и прочее.

— Чудесно! сказалъ капиталистъ, прочитавъ росписку, и отсчитавъ тысячу экю.

Капиталистъ слишкомъ поздно замѣтилъ, въ какую ловушку онъ опустилъ свои экю. Онъ требовалъ, чтобы росписка была переписана, но на его требованіе отвѣчали одними шутками.

— Вы можете явиться ко мнѣ черезъ четыре года, любезнѣйшій, отвѣчалъ денди: благодаря вашей счастливой ошибкѣ, вы можете жить въ мирѣ съ вашею совѣстью, потому-что въ такомъ случаѣ вы получите десять на сто въ годъ, а для такого человѣка какъ вы, это, самые добросовѣстные проценты.

ВРАЖДА ЛАСТОЧЕКЪ СЪ ВОРОВЬЯМИ. Назойливые воробы часто обижаютъ беззащитныхъ ласточекъ, бесовѣстно отбивая у нихъ жилища, которыя строятся съ такими трудами и съ такимъ искусствомъ въ амбразурахъ оконъ и у карнизовъ домовъ. Хищникъ, большею частью, безнаказанно пользуется своею добычею, если счастливо выдержитъ натискъ ласточекъ, которыя, при первой тревогѣ обиженной сосѣдки, слетаются тучею къ захваченному гнѣзду. Въ этомъ случаѣ, на крикъ ласточекъ воробы отвѣчаютъ своимъ пискомъ и ловкими ударами клюва, и нападающая армія, послѣ различныхъ попытокъ, продолжающихся иногда цѣлый день, наконецъ оставляетъ поле битвы, чтобы похлопотать о своихъ домашнихъ дѣлахъ или принятыхъ за постройку новаго зданія. Тогда воробей, какъ полный хозяинъ поселяется въ своемъ владѣніи, заводится семействомъ и живетъ спокойно, потому-что клювъ его наводитъ ужасъ на напобѣжденных. Но это бываетъ не всегда. Виконтъ де-Таррагонъ разсказываетъ, какъ очевидно, одну исторію о мщеніи ласточекъ. Пара воробейвъ, завладѣвъ гнѣздомъ ласточки, уже нѣсколько времени жила въ новомъ помѣстьѣ. Счастливая чета уже хранила первые залюги любви и надѣялась скоро увидѣть пискивыхъ малютокъ. Ласточки какъ-будто забыли старую обиду и не нарушали спокойствія своихъ враговъ. Но въ одинъ день, только-что супруга воробья возвратилась домой, — между-тѣмъ-какъ супругъ былъ въ отлучкѣ, — ласточка ближайшаго гнѣзда подняла тревогу. Въ ту же минуту стая ея подругъ осадила гнѣздо воробья, и увѣрившись въ присутствіи своего смертельнаго врага, тотчасъ, полетѣла къ одной трясинѣ, гдѣ обыкновенно брали матеріалы для своихъ построекъ. Черезъ нѣсколько времени, онѣ возвратились съ запахомъ грязи, и всѣ разомъ, какъ-будто по условію, устремились къ жилищу посетителя; прошло нѣсколько секундъ, и отверзтіе гнѣзда было заложено массою земли. Послѣ этого подвига, ласточки съ пронзительнымъ крикомъ, какъ-будто прославляя свою побѣду, нѣсколько минутъ порхали возлѣ этой могилы, въ которой былъ заключенъ живой воробей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ книжномъ магазинѣ К. А. Полсваго, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Городской Думы, въ домѣ Рогова, продаются слѣдующія книги:

ЛЕЧЕНІЕ ДУШЕВНЫХЪ ВОЛѢЗНЕЙ въ особенности холоднаго водою. Составилъ А. С. Г. въ М. 1841 г. 60 к. Сер. С. П. Б. 1844 г. 4 р. 43 к. сер. Тоже Часть 1-я. С. П. Б. 1843. 1 р. 43 к. Сер.

ОЧЕРКИ БЕРЕГОВЪ РЕЙНА И ШВЕЙЦАРІИ, изъ записокъ русскаго путешественника Князя А. Мещерскаго. М. 1844 г. 1 р. 75 к. Сер.

О ТОМЪ, КАКОЙ БЫЛЪ САМЫЙ ДРЕВНѢЙШІЙ (?) БЫТЬ нынѣ Православнаго Государства Русскаго. М. 1843. 40 к. Сер.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ САМОУЧЕНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА, по Методу Язвискаго. Изданіе 2-е.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ МЕЖЕВАНІЮ. Основанное на первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ ариметики, съ изложеніемъ необходимыхъ при этомъ первоначальныхъ свѣдѣній въ геометріи. М. 1844 г. цѣна 75 к. сер.

СОКРАЩЕНІЕ СТРАНСТВОВАНІЯ ТЕЛЕМАКА, согласно сочиненію Фелелона, изданіе классическое, для употребленія въ гимназіяхъ, кадетскихъ корпусахъ и пансіонахъ. И. Эйнерлинга. Изданіе 5-е. С. П. Б. 1844. 1 р. сер.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕРВОЕ

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 30 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полу-года, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

ВЪ СТОЛБЦАХЪ ПЕРВЫХЪ
— О ПОВЕДЕНІИ ОБОИХЪ АЗАНЦЫНЪ
— О ПОВЕДЕНІИ ОБОИХЪ АЗАНЦЫНЪ

№ 10. МАЙ 1844.

A

139
36

~~438~~

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — Иностранная Словесность. Ярль Хаконъ, скандинавская драма, въ пяти актахъ, Эленшлегера. Перев. В. Деригера, (окончаніе). — Науки и Художество. Экспедиція полпоручика Пахтусова для описи восточнаго берега Новой-Земли, въ 1832 и 1833 годахъ. — Смѣсь. Отзывъ заграничнаго критика, о новой медицинской газетѣ издаваемой въ Санктпетербургѣ. — Двухдневное пребываніе англійскаго посланника, лорда Витмора, въ знаменитѣйшемъ городѣ китайской имперіи, Сань-чу-фу. — Окаменялыя пальмы. — Новозобретенная машина для утушенія пожаровъ. — Размѣщеніе органическихъ существъ въ различныхъ глубинахъ моря. — Успѣхи просвѣщенія на Сандвичевыхъ островахъ. — Охота за львами въ Текели. — Вліяніе температуры на образованіе коралловыхъ медей. — Историческія и статистическія замѣчанія о колоколахъ. — Ежедневный Итогъ журналовъ, печатаемыхъ въ Парижѣ. — Воздушный кофейный домъ. — Разработка бирюзовыхъ рудниковъ въ Хорасанѣ. — Наводненіе, происшедшее отъ прорыва подземной воды. — Церемонная встрѣча Донголосовъ.

При этомъ номерѣ приложенъ портретъ Королевы Викторіи.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.